

ЯНА МОРН

ИСКРА
ДРАКОНА

Яна Мори Искра Дракона

<https://litres.ru/74288154>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня вырвали из моего мира и приковали к дракону магическими узами. Он — владыка, не привыкший просить. Я — врач, не умеющая подчиняться.

Но мой дар нужен его врагам, а моя жизнь зависит от него. И чем дольше я смотрю в его глаза, тем меньше хочу бежать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	49
Глава 7	55
Глава 8	64
Глава 9	71
Глава 10	79

Яна Морн

Искра Дракона

Пролог

Будильник прозвенел в шесть сорок, но я к тому времени уже полчаса лежала без сна, вслушиваясь в то, как ноябрьский дождь лупит по жестяному отливу над окном, и звук этот был такой, будто кто-то методично ссыпал с крыши горсть за горстью мелких гвоздей.

Вставать не хотелось до такой степени, что я честно попробовала уговорить себя заболеть — прислушалась к горлу, к вискам, проверила пульс на запястье и с досадой обнаружила ровные шестьдесят два удара в минуту, чёткие, как метроном, не оставляющие ни единой лазейки для прогула.

Пришлось выбираться из-под одеяла, и пол встретил ступни привычным ледяным укусом — в этом году батареи грели так, словно в котельной работали по одному часу через день, а в перерывах пили чай и смотрели телевизор. Я доковыляла до ванной, по пути на ощупь сдёрнув с вешалки старый махровый халат, который помнил ещё мои студенческие времена.

Напротив зеркала задержалась ровно на секунду, чтобы оценить масштаб бедствия: бледное лицо, тени под глазами,

волосы, торчащие в разные стороны, будто после драки с подушкой, в которой подушка, кажется, одержала безоговорочную победу. Я подмигнула своему отражению и тут же отвернулась, потому что с некоторых пор предпочитала не разглядывать себя подолгу, особенно по утру.

Ледяная вода из крана обожгла лицо, и, пока я растирала щёки, стараясь разогнать кровь, пальцы случайно задели цепочку на шее и скользнули к кулону — бабушкиной стрекозе, чей металл сегодня холодил кожу как-то иначе, не уличным ноябрьским холодом, а чем-то внутренним, глубинным, словно кулон промёрз насквозь сам по себе, без всякой помощи погоды.

Бабушка умерла пять лет назад — тихо, во сне, оставив мне только этот кулон и один странный секрет, о котором я почти не вспоминала в обычной жизни, но который то и дело напоминал о себе сам.

Воспоминание всплыло без спроса, как оно всегда делало в минуты затишья: мне семь лет, я прибегаю с улицы с разбитой коленкой, и бабушка, пахнувшая ромашкой и чем-то горьковато-травяным, усаживает меня на старый деревянный табурет, приговаривая «сейчас, стрекозка, сейчас», а потом её тёплые ладони накрывают ссадину, и из пальцев льётся золотой свет — живой, густой, похожий на разлитый мёд, — и боль тает прямо под кожей, ранка затягивается, не оставляя даже намёка на шрам. «Это наш секрет», — шепчет она потом, глаза у неё в тот момент не ласковые, а серьёзные, почти

строгие, добавляет отдельно, по слогам, чтобы точно дошло до семилетней меня: «Никому. Никогда».

Я помню тот взгляд до сих пор — он возвращается ко мне каждый раз, когда в пальцах просыпается знакомое тепло.

К девяти утра я уже сидела в ординаторской, заполняя карты, день катился привычной колеёй — пациенты, осмотры, рецепты, стандартные жалобы на стандартные болячки, — пока на приём не зашёл молодой парень с красной сыпью на предплечье и не нарушил этот отлаженный, почти медитативный порядок.

Он был студентом, то ли второкурсником, то ли третьекурсником, судя по затёртому рюкзаку с логотипом политеха, запах табака от него шёл такой густой, будто он выкурил полпачки прямо перед дверью кабинета, пытаясь унять волнение. Пальцы у него заметно дрожали, и он то и дело прятал их в карманы джинсов, но они снова выскальзывали наружу, теребя молнию на рукаве.

— Уже неделю, — сказал он, стягивая рукав толстовки, в голосе его мелькнула та особенная смесь смущения и надежды, с какой обычно приходят к врачу студенты, не привыкшие жаловаться. — Сначала думал, пройдёт.

Я взяла его за запястье, чтобы осмотреть воспаление, и в ту же секунду внутри проснулось оно — тепло, не моё и не чужое, заворочалось где-то глубоко в груди, скатилось в ладони и запульсировало на кончиках пальцев, настойчиво,

требовательно, словно пёс, рвущий поводок при виде знакомой двери. Исцелить.

Парень смотрел на меня — доверчиво, открыто, даже не подозревая, что в двадцати сантиметрах от его воспалённой кожи происходит нечто, чему нет объяснения ни в одном медицинском учебнике и чему я сама не могу подобрать названия, хотя живу с этим уже много лет.

Я мягко отпустила его руку и отодвинулась вместе со стулом, превращая это движение в обычную врачебную паузу перед выпиской рецепта.

— Контактный дерматит, — произнесла я ровным голосом, уже заполняя бланк. — Мазь дважды в день, утром и вечером. Через неделю зайдёте на контроль, посмотрим динамику.

Он кивнул, забрал рецепт, закинул рюкзак на плечо, и уже у двери обернулся, улыбнувшись коротко и смущённо.

— Спасибо вам, доктор.

Когда дверь за ним закрылась, я перевернула ладони вверх и долго смотрела на них — по центру каждой багровели полумесяцы от ногтей, а я даже не заметила, в какой момент успела сжать кулаки с такой силой, что оставила следы. Бабушкин голос прозвучал в голове яснее, чем мой собственный: нельзя лечить, нельзя светиться, нельзя выделяться. Я сунула руки в карманы халата и пошла к следующему пациенту, надеясь, что рабочий день вытеснит из мыслей этот проклятый золотой свет, который с каждым годом ста-

новился всё настойчивее.

Вечером я возвращалась через двор одна, и фонарь над аркой, разумеется, не горел — когда он вообще горел в этом дворе? Лужи под ногами лишь угадывались по маслянистым отблескам чужих окон, в которых тут и там горел жёлтый уютный свет чужой нормальной жизни. Я почти поравнялась с подъездом, когда кулон на груди вдруг ожил.

Сначала пришёл холод. Я инстинктивно схватила за металл пальцами, но тут же отдёрнула руку, потому что он обжигал морозом, словно раскалённый добела, только со знаком минус. А следом пошёл звук — тонкий, высокий звон, похожий на треск лопающегося от жара стекла, и он нарастал, заполняя собой всё пространство двора.

Телефон выскользнул из кармана, и я включила фонарик, поведя лучом вдоль мусорных баков, которые выстроились в ряд у дальней стены дома.

Синий свет пульсировал у самой земли — ритмично, навязчиво, будто билось сердце, закопанное под асфальтом. Воздух вокруг него сгущался, вибрировал, и от этой вибрации у меня начало ломить зубы, а к горлу подкатил комок тошноты.

Я попятилась, выставив перед собой руку, но опоздала на какую-то долю секунды.

Глава 1

Сознание возвращалось медленно, нехотя, как будто всплывало сквозь толщу тёплой, вязкой воды. Первым пришёл запах — горьковатый дым, смешанный с корицей, и в нём угадывалось что-то ещё, почти лекарственное, как в бабушкиной кладовке, где сушились травы. Следом накатило ощущение: по щеке проводили чем-то горячим и шершавым, размеренно и настойчиво, словно счищали грязь. Кто-то умывал меня, и в этом жесте не было ни ласки, ни угрозы — только спокойная, деловитая уверенность в своём праве.

Я с трудом разлепила веки и увидела кота. Он сидел на моей груди, рыжий, с густой шерстью, в которой путался странный, нездешний свет, и смотрел на меня без всякого выражения — так смотрят на незнакомый предмет, оценивая его полезность. Из глубины его зрачков сочилось золото, живое и тёплое, будто внутри горела крошечная свеча. Кот выдержал мой взгляд, затем неторопливо зевнул, и я увидела три ряда мелких, острых, как рыбы кости, зубов.

Мысль о том, что меня сейчас съедят, мелькнула где-то на периферии сознания, но не задержалась — тело ещё не решило, бояться ему или нет. Кот, по-видимому, тоже не решил, что со мной делать. Он ещё раз провёл языком по моей скуле — теперь почти нежно, — спрыгнул на землю и растворился в густых фиолетовых тенях, окружавших меня со

всех сторон. Даже ветка не хрустнула.

Я осталась лежать, глядя в небо. В бирюзовое небо с двумя солнцами. Одно — бледное, жёлтое, словно выцветшая фотография. Второе — малиновое, пульсирующее, и от него по коже разбегались тёплые волны, а тени деревьев двигались, хотя ветра не было. Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что так не бывает, но она утонула в звенящей пустоте, которая заменяла сейчас все мои мысли. Я просто лежала и смотрела, как переливаются рубиновым и индиго листья на деревьях с аметистовой корой, как серебряные жилы под этой корой мерцают, будто по ним течёт свет, и воздух покалывает кожу, словно перед грозой.

Сколько прошло времени, я не знала. Минута, час, день — всё смешалось в одну бесконечную, лишённую смысла череду цветов и ощущений.

Потом в этой тишине раздался звук — резкий, металлический, и я вздрогнула всем телом, будто меня ударили. Из-за деревьев вышли люди.

Их было пятеро. Они двигались бесшумно, несмотря на доспехи — тёмные, переливающиеся глубоким сине-фиолетовым, словно жидкий металл, который дышал в такт движениям. В руках они держали оружие, и остриё ближайшего клинка смотрело мне в грудь. Воины остановились в нескольких шагах, образовав полукруг, и принялись разглядывать меня с тем холодным, цепким вниманием, с каким рассматривают незнакомое оружие: опасно или нет, заряже-

но или холостое. За их спинами колыхались кроны, воздух искрился, и они казались частью этого чужого леса — такие же чужие, такие же опасные.

Я попыталась что-то сказать, но губы не слушались. Во рту было сухо, язык прилипал к нёбу. Вместо слов вырвался только сиплый, жалкий выдох. В голове звенело. Я видела их лица — напряжённые, замкнутые, — и не могла прочесть ничего, кроме одного: они не знают, кто я, и от этого зависит, останусь ли я в живых.

Высокий воин, стоявший впереди, чуть опустил клинок. Он смотрел на меня долго, не мигая, и в его глазах, тёмных, как омут, не было ни злобы, ни сочувствия — только расчёт.

— Ты кто? — спросил он наконец, и голос его прозвучал низко, глухо, без единой лишней интонации.

Я открыла рот, но ответ не приходил. Как объяснить, кто я? Какие слова подобрать, если я сама больше не понимала ничего?

— Я... — голос сорвался. Я сглотнула и попробовала снова. — Я не... Я не знаю...

Рыжий воин, стоявший справа, переглянулся с высоким. Его лицо было моложе, но такое же напряжённое, и рука, сжимавшая рукоять клинка, побелела от усилия.

— Как ты прошла? — спросил высокий, и теперь в его голосе появилось что-то новое — не угроза, но требование, от которого у меня внутри всё сжалось.

— Я не проходила, — прошептала я, и слёзы вдруг потек-

ли по щекам — беззвучно, неостановимо. Я даже не заметила, когда начала плакать. — Меня... там была воронка... синяя... Я просто шла домой, а потом... Меня затянуло. Я ничего не делала. Клянусь.

Воины молчали. Мои слова повисли в воздухе, и я видела, как они переглядываются — быстро, скупно, обмениваясь какими-то своими, непонятными мне знаками.

Женщина с серебряными волосами, стоявшая по левую руку от высокого, вдруг шагнула вперёд. Она двигалась иначе, чем остальные, — медленнее, плавнее, словно не шла, а текла. Её глаза были белыми, совсем белыми, без зрачков, и смотрели они не на меня, а куда-то сквозь — так, будто видели не лицо моё, а что-то за ним или внутри него. Мне стало не по себе.

— Пелены, — произнесла она тихо, и голос её был как шелест сухих листьев. — Она прошла сквозь Пелены. Я чувствую на ней след. Свежий.

Высокий нахмурился. В его лице что-то изменилось — не страх, не злость, а скорее холодное недоумение человека, столкнувшегося с невозможным.

— Этого не может быть, — медленно, будто пробуя слова на вкус, произнёс он. — Пелены запечатаны.

— Значит, что-то изменилось, — ответила женщина, и её белые глаза наконец остановились на мне.

Рыжий выдохнул сквозь зубы и пробормотал что-то себе под нос — какое-то резкое слово на незнакомом языке, про-

звучавшее как ругательство. Он перевёл взгляд на высокого, и в его голосе зазвенело напряжение:

— Если она прошла, то это не случайно. Либо её пропустили, либо... — он осёкся, не договорив.

— Либо она не та, за кого себя выдаёт, — закончил за него высокий и снова посмотрел на меня. Теперь в его взгляде читалась не просто оценка — вопрос, на который у него не было ответа.

— Ты понимаешь, где оказалась? — спросил он, и на этот раз в голосе прозвучала скорее усталость, чем враждебность.

Я покачала головой. Говорить всё ещё было трудно, но паника понемногу отступала, уступая место странному, отстранённому спокойствию — такому, какое, наверное, наступают, когда худшее уже случилось и бояться больше нечего.

— Это Астрариум, — сказал он. — Другой мир. И Пелены, через которые ты прошла, были закрыты. Никто не проходит сквозь них. — Он помолчал. — Никто, кроме тех, кого ведут.

— Меня никто не вёл, — прошептала я.

— Возможно, — ответил он, но прозвучало это так, будто он в это не верил.

Рыжий хотел что-то добавить, но осёкся и замер, прислушиваясь. В ту же секунду я почувствовала, как земля под ногами едва заметно дрогнула. Воины переглянулись, и их лица изменились — стали жёсткими, сосредоточенными, лишёнными всего лишнего. Оружие в их руках вспыхнуло хо-

лодным синим светом.

Высокий шагнул ко мне, взял за плечо — крепко, но не грубо — и отвёл к стволу дерева с серебристой корой.

— Стой здесь, — сказал он, и это было не предложение. — И молчи.

— Что происходит? — спросила я, чувствуя, как сердце снова начинает биться быстрее.

Он не ответил. Но вместо него заговорила женщина с серебряными волосами, и её голос, тихий и бесцветный, прозвучал страшнее любого крика:

— Тёмные. Они почуяли чужую магию. Идут по следу.

Воздух испортился сразу — пахнуло озоном и сладковатой гнилью, как в палате, где слишком долго лежал незамеченный некроз. Между деревьями сгустились тени, и из них выступили высокие, неестественно худые фигуры в плащах, колышущихся без ветра. Зелёный туман клубился у их ног, мерцая рунами.

А потом небо потемнело. Огромная тень накрыла лес, и я, забыв обо всём, подняла голову.

Дракон.

Чёрный, с чешуёй, вспыхивающей золотом в лучах малинового солнца. Его крылья перекрывали полнеба, и каждое их движение рождало низкий, вибрирующий гул, от которого дрожало где-то в груди. Глаза горели расплавленным рубином, и они смотрели прямо на меня — смотрели осмысленно, узнавая, и от этого становилось холодно внутри.

Рыжий воин встал рядом, заслоняя меня плечом, и впервые за всё время его голос прозвучал без тени враждебности — только усталая, горькая обречённость:

— Кажется, тебя тут ждали.

Дракон взревел. Звук обрушился на лес ударной волной, и земля содрогнулась, и листья посыпались с ветвей, и я замурилась, вжимаясь спиной в серебристую кору.

Глава 2

Кора дерева впивалась в спину даже сквозь одежду — холодная, шершавая, в мелких трещинах, которые я чувствовала каждой позвонкой. Я прижималась к стволу так, будто хотела врасти в него, исчезнуть, перестать быть мишенью, и старалась не дышать, потому что каждый вдох казался мне оглушительно громким, способным выдать нас всех.

Ревущая тишина после слов командира всё ещё звенела в ушах, и где-то глубоко в груди, в том месте, которое я привыкла считать пустым и спокойным, пульсировало странное тепло — тупое, настойчивое, чужеродное, как забытый осколок под кожей. Я не понимала, что это, и боялась думать об этом, потому что бояться сейчас нужно было совсем другого.

Воздух перед Тёмными задрожал, как над раскалённым асфальтом в июльский полдень, и зелёный туман, мерцающий мелкими рунами, потёк по земле, обволакивая корни деревьев, и там, где он проходил, кора чернела и съеживалась, будто из неё высасывали жизнь. Я видела это и не могла отвести взгляд, хотя всё внутри кричало зажмуриться и не смотреть, не видеть, не знать.

Рыжий воин, стоявший рядом, сжал моё плечо. Его пальцы дрожали — мелко, едва заметно, — но хватка была мёртвой, как у человека, который держится за единственную точку опоры.

— Тише, — прошептал он, и в этом шёпоте было столько напряжения, что я ощутила его кожей. — Любой звук...

Он не договорил, да это и не требовалось. Я и так понимала: любой звук — и нас обнаружат, любой шорох — и мы трупы, любое неосторожное движение — и всё закончится здесь, под двумя чужими солнцами, в лесу, которого нет ни на одной земной карте.

Тот, кто стоял в центре — самый высокий из Тёмных, — поднял руки. На его пальцах — длинных, неестественно бледных — темнели синеватые ногти, и он водил ими по воздуху так, будто рвал невидимую ткань, и там, где проходили эти движения, оставались светящиеся следы — яркие, болезненные для глаз. Я смотрела на них и чувствовала, как к горлу подступает тошнота: эти следы были неправильными, они нарушали что-то глубинное, какое-то базовое представление о том, как должен быть устроен мир.

Между его ладоней родилась синяя точка. Она росла, пульсировала, набухла светом и тьмой одновременно, а потом растянулась в вертикальную щель с рваными, кровоточащими краями, и изнутри донёсся звук — не то стон, не то вой, не то шёпот на тысячу голосов, который сверлил голову, сводил скулы и заставлял зубы ныть, как от кислоты.

Из портала хлынул ветер, пахнувший озоном, пылью и чем-то сладковатым — тем самым запахом, который висит в воздухе, когда слишком долго не убирают в морге, и этот запах был до того знакомым, до того земным, что на секунду мне

показалось — я дома, я в больнице, я на работе, и сейчас прозвенит будильник, и всё закончится. Но вместо будильника из портала потекли они.

Существа. Я не знала, как их назвать, и мой мозг, привыкший раскладывать всё по категориям, беспомощно буксовал, не находя аналогов. Они двигались рывками, как сломанные куклы, у которых обрезали нитки, а потом связали заново — криво, наспех, не заботясь о том, чтобы конечности гнулись в нужные стороны. Глаза-бусины смотрели сразу во все стороны, и они визжали — пронзительно, тонко, так, что хотелось зажать уши и упасть на землю, свернуться клубком и никогда больше не слышать этого звука.

Тёмный вскрикнул — гортанно, резко, — и твари ринулись вперёд.

Командир шагнул им навстречу. Он не побежал — он именно шагнул, спокойно и весомо, как человек, который делал это сотни раз, и на его руках, прямо поверх доспехов, проступила чешуя — тёмная, плотная, переливающаяся в свете малинового солнца, а когти выросли на глазах, и первая тварь, оказавшаяся на его пути, была разорвана пополам одним ударом. Она рассыпалась чёрной пылью, даже не успев закричать, и на её месте тут же возникли две новые.

Рыжий стрелял из лука — его стрелы вспыхивали в воздухе синим и взрывались, когда впивались в хитин, разбрасывая ошмётки плоти, и он кричал что-то злое, торжествующее, чего я не могла разобрать за визгом тварей. Женщина

с серебряными волосами стояла чуть поодаль, и её косички кружились сами по себе, словно живые существа, а ладони раскрылись, и с них сорвались молнии — белые, ослепительные, выжигающие тварей нацело, оставляющие после себя только горстки пепла и запах грозы.

— Щит! — крикнула она, и передо мной возникла мерцающая завеса, полупрозрачная, но плотная, как застывшее стекло, и вовремя — когтистая тварь ударила в неё с разбегу и отлетела, заскулив, как побитая собака.

Я прижалась к дереву, зажмурилась и попыталась исчезнуть. Просто перестать быть. Стать частью коры, частью корней, частью этой земли, которая пружинила под ногами и не принадлежала мне.

А потом небо взорвалось рёвом.

Я открыла глаза и увидела дракона. Того самого, чёрного, с золотыми прожилками на чешуе, которые вспыхивали в свете малинового солнца, как расплавленный металл. Он рухнул на землю всей своей огромной тяжестью, и земля содрогнулась, и я почувствовала этот удар всем телом — от пятки до макушки. Когти, каждый размером с мою руку, рвали тварей, будто те были из бумаги, а хвост сметал их десятками, разбивая о стволы, о камни, о воздух, и они разлетались чёрной пылью, не успевая даже закричать.

А затем дракон развернулся к portalу. Его грудь налилась алым, как тогда, перед первым рёвом, но вместо звука из пасти вырвался поток пламени — золотого с чёрными прожил-

ками, плотного, почти осязаемого. Пламя ударило в синюю щель, и та задрожала, закорчилась, будто живое существо, которому причинили боль. Края портала сжались, смялись и лопнули с тихим, противным всхлипом, оставив после себя только дрожащий воздух и запах грозы.

Но Тёмный, призвавший тварей, не сдался. Я увидела, как его рука метнулась вперёд — резко, без замаха, — и в ней оказался клинок, сотканный из того самого синего холода, что шёл от воронки, из которой меня выбросило в этот мир. Он ушёл дракону в бок, туда, где чешуя была тоньше и где под ней угадывалось биение живого сердца.

Дракон замер. Его огромное тело содрогнулось — раз, другой, — я увидела его глаза, рубиновые, полные боли и какого-то почти человеческого недоумения, словно он не ожидал, что его можно ранить, словно за столетия привык к неуязвимости и теперь не понимал, что с ним происходит. Кровь хлынула на землю — алая, горячая, парящая в холодном воздухе, — и синий лёд клинка таял, шипел, смешивался с ней, превращаясь в ядовитое, дымящееся месиво.

Тёмный дёрнулся, его лицо — или маска, я так и не поняла, — треснуло посередине, и из трещины потекла чёрная, маслянистая жижа, густая и медленная, как смола. Он схватился за грудь, издал шипящий, предсмертный хрип и начал рассыпаться — сначала пальцы, потом руки, потом всё тело, и чёрный пепел осел на землю, смешиваясь с кровью и гарью, и ветер подхватил его и унёс куда-то в глубь леса, слов-

но ничего и не было.

Наступила тишина — оглушительная, звенящая, какая бывает только после боя.

Я не помнила, как оказалась рядом с драконом. Ноги понесли сами — помимо воли, помимо страха, помимо всего, что я знала о себе и о мире. Кто-то кричал мне вслед, кто-то пытался остановить меня — женщина с серебряными волосами вскинула руку, и я почувствовала, как воздух передо мной сгустился, стал плотным, упругим, — но я прошла сквозь эту преграду, даже не заметив, как она лопнула и осыпалась невидимыми осколками.

Я упала на колени рядом с драконом. Чешуя под моими ладонями была горячей, почти обжигающей, и я чувствовала, как под ней бьётся сердце — огромное, мощное, но с каждым ударом всё тише, всё медленнее. Клинок всё ещё торчал из бока, и вокруг него кожа чернела, и синий холод расплзался по телу дракона, как некроз по живой ткани.

Я закрыла глаза и выдохнула. Я не знала, не умела, никогда не делала этого осознанно, только рефлекторно — на разбитой коленке, на ушибленном мизинце, на ноющем запястье, которое лечила сама себе после долгой смены. Но сейчас этого было мало, и я понимала это с той ледяной ясностью, с какой врач понимает, что пациент умирает, и единственный шанс — попробовать то, чему не учили в медицинском.

Там, внутри, в груди, пульсировала нить — тёплая, зо-

лотая, знакомая и чужая одновременно. Она тянулась откуда-то из глубины меня — туда, к его ране. Осталась только пустота и этот свет.

— Держись, — прошептала я, и это было не ему, а себе, этой нити, этому свету, который уже поднимался изнутри и просился наружу.

Золотой свет хлынул из моих рук. Он обволакивал рану, латал рваные края, выжигал синий холод, и я чувствовала, как он работает — каждый миллиметр, каждую секунду, каждый толчок боли, который уходил из дракона и перетекал в меня. Это было больно. Не так, как болит рана, а иначе — так, будто из меня вытягивали жилы, выкачивали жизнь по капле, забирали самую суть.

Я закричала, но крик потерялся в шуме, который до сих пор стоял в ушах после боя.

Дракон застонал — глубоким, гортанным звуком, — и вдруг в этом стоне послышалось не страдание, а облегчение, как у человека, который долго нёс непосильную ношу и наконец опустил её на землю. А потом он начал меняться.

Чешуя бледнела, теряла цвет, становилась полупрозрачной. Крылья втягивались в спину, исчезали, растворялись. Хвост укорачивался и пропадал. Огромное тело сжималось, уменьшалось, перестраивалось — и это было не страшно, а завораживающе, как наблюдать за работой хирурга, который делает невозможное.

Передо мной лежал мужчина. Грудь тяжело вздымалась,

лицо было бледным и искажённым болью, но даже сейчас, раненый и обессиленный, он выглядел опасным — так выглядит хищник, который ранен, но не приручён. Шрамы на плечах и груди, старые и белёсые, как линии на карте. Тёмные узоры под кожей, похожие на татуировки, которые двигались, перетекали, жили собственной жизнью.

Свет в моих руках погас. Силы ушли — резко, как гаснет лампочка, когда перегорает спираль. Голова закружилась, колени подкосились, и я рухнула рядом с ним на землю, даже не успев выставить руки.

Он открыл глаза. Чёрные, с золотыми искрами, которые мерцали в глубине, как звёзды в безлунную ночь. Он посмотрел на меня — не как на врага, а как на уравнение, которое он не мог решить.

— Как... — его голос был хриплым, едва слышным, и каждое слово давалось ему с усилием. — Как это возможно?

Его рука — сильная, с длинными пальцами, на которых ещё виднелись остатки чешуи — сжала моё запястье, и в тот же миг под его пальцами, на моей коже, будто изнутри, вспыхнул золотой узор. Он горел, пульсировал в такт его сердцу — или моему, уже не различала, — я почувствовала тепло, которое разлилось по всему телу, чужое, но странно родное, как голос, который слышишь во сне и не можешь вспомнить, кому он принадлежит.

Золотой свет вспыхнул снова — из моей груди, из моих рук, из самой кости, — и окутал нас обоих, слился с искрами

в его глазах, и мир растворился в белизне.

Последнее, что я увидела, — его глаза, расширенные, полные шока и узнавания.

А потом я погрузилась во тьму.

Глава 3

Сознание возвращалось не рывками, а долгим, мучительным подъёмом — так всплывают сквозь толщу воды, когда в лёгких уже нет воздуха, а поверхность всё не показывается. Веки казались каменными, и когда мне наконец удалось их разлепить, над головой обнаружился каменный потолок — высокий, тёмный, которые слабо мерцали в неверном свете, сочившемся откуда-то сбоку.

Тело казалось чужим и непослушным. Внутри поселилась та особенная, глухая пустота, какая бывает после долгой болезни, когда жар уже спал, а сил не осталось вовсе — только звон в ушах и тяжёлая, ватная слабость. В запястьях пульсировала боль — тупая, глубинная, и под ней угадывалось что-то чужое, горячее, чего там быть не должно. Я попыталась приподняться хотя бы на локте, но мышцы не отозвались, и от этого сделалось по-настоящему страшно.

— Не двигайтесь, — раздался рядом спокойный голос, и я скорее увидела боковым зрением, как надо мной склонилась женщина с серебряными волосами — та самая, из леса, чьи белые глаза смотрели тогда сквозь меня, будто видели не лицо, а что-то под ним. Её тонкие косички слегка шевелились, хотя воздух в комнате был совершенно неподвижен. Бледные пальцы парили над моим запястьем, не касаясь кожи, и от них струился прохладный, чуть покалывающий свет, от

которого боль притуплялась, но голова начинала кружиться сильнее.

— Энергетический канал ещё слишком слаб, — произнесла она, и её голос звучал ровно, без интонаций — так, будто она зачитывала диагноз. — Вы едва не выжгли его до основания.

— Я Лилия, — произнесла, собственный голос показался мне скрежетом: горло пересохло так, что каждое слово царапало его изнутри. — Где я?

— Илирия, — ответила она, и её губы сложились в нечто, отдалённо похожее на вежливую улыбку, в которой, однако, не было ни капли тепла. — Можно Лира. Я целительница этого замка.

Она не спросила о самочувствии — то ли уже знала ответ, то ли не считала нужным спрашивать. Вместо этого поднесла к моим губам тёмную чашу, и я сделала глоток, не думая о том, что мне могут дать яд. Жидкость обожгла язык, но почти сразу по телу разлилась прохлада — резкая, до мурашек, — и в запястьях на мгновение вспыхнуло так ярко, что я зажмурилась.

— Вы в Родовом Утёсе, — сказала Лира, забирая чашу. — Цитадели господина Артикина.

Имя отозвалось в груди не мыслью, а теплом — тем самым, что выплеснулось из моих рук в лесу. Я не понимала, почему это происходит, и от непонимания становилось только тревожнее.

Я огляделась, насколько позволяла непослушная шея. Комната была огромной и пугающе чужой: чёрные стены из гладкого камня, холодный блеск которого не смягчали ни ковры, ни картины, ни какие-либо признаки того, что здесь кто-то живёт. Единственной деталью, нарушавшей этот суровый порядок, была глубокая трещина в стене напротив — длинная, изломанная, она рассекала камень от пола почти до самого потолка, будто кто-то когда-то полоснул по нему когтями в слепой ярости. Больше всего это походило на затянувшийся шрам, который оставили не телу — дому.

Кровать под балдахинем из тёмного бархата казалась не местом для отдыха, а постаментом, на который положили нечто ценное и велели не трогать.

Дверь распахнулась без стука. Он вошёл — высокий, широкоплечий, в простой тёмной одежде, которая не скрывала, а скорее подчёркивала ту сдержанную, дремлющую силу, что читалась в каждом его движении. Тот самый дракон. Его лицо ничего не выражало — ни радости, ни тревоги, ни любопытства, — но глаза, чёрные с золотыми искрами, смотрели прямо на меня, и от этого взгляда запястье обожгло жаром. Золотой узор, появившийся в лесу, вспыхнул снова, и я почувствовала его тепло сквозь кожу — живое, ритмичное, бьющееся в такт сердцу.

— Господин Арткин, — Лира выпрямилась, и её лицо мгновенно стало бесстрастным, как у человека, который привык не показывать эмоций перед вышестоящими.

Он кивнул — коротко, почти незаметно, — и она вышла, закрыв за собой дверь так тихо, что я не слышала шагов.

Мы остались вдвоём. Он подошёл к кровати бесшумно, но в каждом его шаге чувствовалась та самая сила, которая никуда не делась, даже несмотря на рану. Я заметила, что он чуть придерживает правое плечо — там, где в него вонзился ледяной клинок, и где теперь, как я догадывалась, не осталось и следа.

— Ты пришла в себя, — произнёс он, и его голос, низкий и ровный, был скорее констатацией факта. — Хорошо.

— Кто вы? — спросила я. Губы всё ещё пересохли, и слово «вы» прозвучало сипло.

— Моё имя Артикин. Я владыка Северных Земель.

— А я... где я нахожусь?

— В моей цитадели. Тебе ничего не угрожает.

Он говорил так, будто это всё объясняло — и кто он, и где я, и почему я должна чувствовать себя в безопасности. Но я не чувствовала. Я лежала в чужой постели, в чужом мире, под взглядом чужого мужчины, и пыталась понять, с какого момента моя жизнь перестала мне принадлежать.

— Твоё вмешательство было безрассудным, — продолжил он, и в его голосе мне почудилось что-то похожее на отстранённое удивление. — Но эффективным. Я жив благодаря тебе. Прими мою благодарность.

— Я лечу людей, — ответила я, и слова вышли автоматически, как заученная формула. — Это моя работа. Меня зо-

вут Лилия.

Он посмотрел на меня с лёгким любопытством — так смотрят на незнакомый инструмент, который внезапно оказался полезным. Затем сделал шаг ближе, и узор на моём запястье загорелся сильнее, почти до боли. Я отдёрнула руку и прижала её к груди, чувствуя, как сердце начинает биться чаще.

— Ты — моя пара, — сказал он спокойно, будто сообщал погоду.

Я смотрела на него, пытаюсь найти в его лице хоть намёк на шутку или бред — что-то, что объяснило бы мне смысл услышанного.

— Что? В каком смысле — пара?

— Метка, — он указал на мою руку. — Она связала нас. Ты принадлежишь мне, а я — тебе. Такова воля богов.

В голове, всё ещё мутной после пробуждения, мысли заметались, как испуганные птицы. Метка. Узор на коже, которого не было до леса. Он появился, когда я исцелила его, — вспыхнул под его пальцами, горячий и чужой. Я попыталась ухватиться за этот факт, разложить его, как симптом. Этиология неизвестна. Патогенез неясен. Возможна связь с выбросом магической энергии. Возможна психосоматическая реакция на стресс. Возможна...

— Я вам не принадлежу, — произнесла я, и голос дрогнул, но не сорвался. — Мы даже не знакомы. Вы не можете просто взять и...

— Могу, — перебил он, и в этом коротком слове не было ни угрозы, ни злости — только та спокойная, не терпящая возражений уверенность, от которой у меня внутри всё сжалось. — Без моей защиты ты не выживешь в этом мире. Ты слишком слаба для него и при этом слишком ценна. Если ты смогла исцелить такую рану, как моя, за тобой будут охотиться все, кто знает, что означает такая сила.

Я сжала кулаки. Ногти впились в ладони, и эта боль была почти приятной — она возвращала меня в реальность, не давала утонуть в панике.

— Вы не можете меня удерживать. Я живой человек, а не ваша вещь. Я хочу домой.

Он посмотрел на меня — секунду, другую, — и в его глазах что-то мелькнуло, но я не успела понять, что именно: тень эмоции скользнула по лицу и исчезла, как не было.

— Твой дом теперь здесь, — произнёс он, и это не было ни приказом, ни утешением, а чем-то средним — констатацией, с которой бесполезно спорить. — Со временем ты поймёшь. Связь сама сделает своё дело.

В этот момент дверь приоткрылась, и в щель просунулась рыжая голова — тот самый воин из леса, который сжимал моё плечо, пока Тёмный рвал небо порталом. Он бросил быстрый взгляд на меня, потом на Артикаина, и в его глазах читалось что-то среднее между тревогой и почтением.

— Господин. Совет Старейшин требует аудиенции. Немедленно.

— Совет подождёт, — ответил Артикин, не оборачиваясь.

Рыжий замялся. Было видно, что он предпочёл бы оказаться где-нибудь в другом месте — на поле боя, в лазарете, да где угодно, лишь бы не между своим господином и разгневанными старейшинами.

— Они настаивают. Из-за того, что случилось в лесу... и из-за неё.

Артикин помолчал. Тишина в комнате стала густой и вязкой. Затем он медленно повернулся к рыжему.

— Я сказал — подождут.

В его голосе не было угрозы, но воин исчез так быстро, будто его сдуло ветром. Дверь закрылась с тихим, тяжёлым щелчком, и мы снова остались вдвоём.

Артикин повернулся ко мне. В его глазах не было жестокости — только холодная, непоколебимая уверенность, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— Отдыхай, Лилия. Тебе нужны силы, чтобы принять то, что неизбежно.

Он развернулся и вышел, и дверь закрылась за ним.

Меня начала бить дрожь — внезапная, сильная, до стука зубов. Я обхватила себя руками и лежала так, чувствуя, как колотится сердце где-то у самого горла. Пара. Судьба. Дом. Слова крутились в голове обрывками чужого разговора и отказывались складываться в понятную картину. Я попыталась думать как врач: исключить эмоции, оценить факты. Факт первый: я в другом мире. Факт второй: на запястье по-

явилась метка неизвестной этиологии. Факт третий: мужчина, которого я исцелила, утверждает, что эта метка означает связь. Гипотеза: магический аналог симбиотической реакции на исцеление. Прогноз: неясен. Лечение: неизвестно.

Научный подход не помог. Метка пульсировала ровным золотым светом, и в этом ритме было что-то неумолимое — что-то, что не укладывалось ни в один учебник. Она напоминала, что я больше не принадлежу себе.

Глава 4

Время в комнате тянулось иначе, чем на Земле. Я лежала, глядя в каменный потолок, и считала трещины, чтобы занять мозг хоть чем-то, кроме мыслей о том, что будет дальше. Трещин оказалось тридцать четыре. Я пересчитала дважды и оба раза сбилась на двадцатой — мысли всё равно просачивались, как вода сквозь пальцы, и возвращались к одному и тому же: чужой мир, чужая комната.

Дверь открылась бесшумно, Артикин вошёл, остановившись на пороге так, что комната сразу стала теснее. Он не делал для этого ничего специального: просто стоял и смотрел, и воздуха вокруг становилось меньше. Его взгляд скользнул по моему лицу, затем опустился к запястью, где под кожей пульсировало золото.

— Через два часа Совет, — произнёс он. — Будь готова.

— А если я не пойду? — спросила, и собственный голос прозвучал резче, чем хотелось. Страх, копившийся всё это время, искал выход, и злость оказалась ближайшей дверью.

— Тогда ты дашь им повод считать тебя врагом, — ответил он без тени раздражения. — Ты — моя пара. Я не позволю тебе навредить. Но и ты не мешай мне тебя защищать.

Он сделал короткую паузу и добавил — так, будто это было очевидно:

— Просто будь там. Говори правду, всё остальное я возь-

му на себя.

— Легко сказать, — я сжала пальцы в кулак. — Ты не на моём месте.

— Нет, — он уже отступил к двери, но на мгновение задержался. — Но я постараюсь сделать всё, чтобы ты не пожалела, что оказалась здесь.

Дверь закрылась, и тишина, навалившаяся следом, была хуже любого звука. Воздух в комнате словно застыл — плотный с привкусом того, что ещё не случилось, но уже неотвратно.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Я села на кровати и пригладила волосы — всё равно бесполезно.

— Войдите.

В комнату вошла девушка с медными кудрями, уложенными в строгую причёску, которая, однако, не делала её старше. Простое серое платье сидело ладно, но скромно, а в руках она держала стопку мягких полотенец и глиняный кувшин с узким горлышком.

— Госпожа Лилия, — она поклонилась. — Меня зовут Анна. Мне поручено помочь вам подготовиться к Совету. Пройдёмте.

Она провела меня через скрытую в стене арку, которую я раньше не заметила. В центре, высеченная из цельного тёмного камня с серебристыми прожилками, стояла купель, и вода в ней светилась изнутри чистым голубым светом. Лёг-

кий пар струился над гладью, и всё вместе напоминало иллюстрацию к сказке, которую мне читали в детстве, — только сказка была чужой.

— Это вода из Источника Глубин, — пояснила Анна, и в её ровном голосе прорезался едва заметный трепет. — Она помогает телу восстановиться.

Я разделась и погрузилась в воду, которая приняла меня, как живая, — обняла теплом и словно начала вытягивать напряжение, копившееся в мышцах с того самого момента, как синяя воронка вырвала меня из подворотни. Я закрыла глаза и позволила себе просто дышать.

— Вы давно в цитадели? — спросила я, когда тишина стала слишком тяжёлой.

Анна улыбнулась, поправляя полотенца на каменной скамье.

— С детства. Моя мать служила здесь до меня.

Я помолчала, собираясь с духом. В голове крутилось слово, которое произнёс Артикин, — «пара», — но смысл его ускользал.

— Анна... господин Артикин сказал, что я его пара. Для драконов это что-то значит? Что вообще означает — быть чьей-то парой?

Анна замерла. Кувшин в её руках на мгновение застыл над скамьей, а потом она медленно поставила его и выпрямилась. В её глазах мелькнуло что-то — не страх, а скорее осторожность, какая бывает у людей, которых просят расска-

зять то, о чём не принято говорить вслух.

— Это... судьба, госпожа, — произнесла она наконец, тщательно подбирая слова. — Для дракона его пара — единственная женщина на всю жизнь. Самая... подходящая, что ли. Та, кого выбрали боги. Они связаны меткой — вот как у вас на руке, — и могут чувствовать друг друга даже на расстоянии. Где бы ни был, знаешь, жив он или нет, и сердцем к нему тянет. Так мама рассказывала.

Я опустила взгляд на своё запястье, где под водой золотой узор мерцал особенно ярко.

— А разорвать эту связь можно?

Рука Анны дрогнула. Она быстро отвернулась к столику и принялась перебирать полотенца, хотя те лежали идеально ровно.

— Зачем вам такое думать, госпожа? — голос её прозвучал глухо, и в нём слышалась неподдельная тревога. — Говорят, кто пытался — терял рассудок. Будто часть души отрывали.

Она замолчала и, не оборачиваясь, добавила почти шёпотом:

— Не спрашивайте меня больше об этом. Пожалуйста. Я и так сказала больше, чем следует.

Повисла тишина — уже не тяжёлая, а какая-то печальная. Я смотрела на ссутулившиеся плечи Анны и чувствовала, как внутри разрастается холод. Значит, сказки были не просто сказками. И то, что Артикин назвал «волей богов», дру-

гие называли приговором.

Спустя время Анна помогла мне одеться. Платье, которое она принесла, было из тёмно-синего бархата, расшитого причудливой серебряной вышивкой по рукавам и подолу, — тяжёлое, но красивое той чужой, суровой красотой, какая, видимо, ценилась в этих краях. Анна застёгивала застёжки с тщательной неторопливостью, то и дело поправляя складки и отступая на шаг, чтобы оценить результат. Прежней тревоги в её лице уже не было — она спряталась обратно под маску почтительной служанки.

— Вы выглядите... великолепно, — тихо сказала она, расправляя последнюю складку на плече.

Я хотела ответить, но не успела — дверь снова распахнулась. На этот раз без стука, но и без грубости, просто быстро, как входят люди, которым некогда. На пороге стоял рыжий воин, тот самый, что прикрывал меня в лесу и потом докладывал о Совете. Его веснушчатое лицо расколола широкая улыбка, и он шагнул в комнату, будто был здесь хозяином.

— Ну наконец-то, — выдохнул он, переводя взгляд с Анны на меня. — А я уж думал, опоздаю и господин с меня шкуру спустит. Приветствую. Я Тайрен, из Кровавого Крыла, — добавил он с усмешкой, заметив мой недоумённый взгляд. — Господин Артикин поручил мне отвести вас на Совет. Скажу честно, я бы предпочёл, чтобы мне поручили что-нибудь попроще — но приказы не обсуждаются.

— Лилия, — ответила я, принимая его протянутую руку. Ладонь у него оказалась горячей и сухой, а рукопожатие — крепким.

— Лилия, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Хорошее имя. Нездешнее, но звучит. Так, — он оглядел меня с головы до ног, но без намёка на что-то неприличное, просто оценивая подготовку, — выглядите как надо. Совету понравится. Ну, не всем. Там половина собравшихся вообще не умеет радоваться, по-моему, у них мышцы лица атрофированы.

Он подмигнул и повёл меня к двери. Я невольно отметила, что рядом с ним дышалось легче — не потому, что он был особенно деликатен, а потому, что от него исходило что-то простое и настоящее, как от старого друга, которого знаешь сто лет, хотя видишь впервые.

Уже в коридоре он чуть сбавил шаг и заговорил тише:

— Послушайте, Лилия... на Совете главное — не бояться. Они, конечно, все важные и древние, но вы — истинная пара господина Артикина, а это не просто слова. — Он покопался в меня и пояснил: — Истинная пара — это редкость. Такую связь боги дают, её не разорвать. Для драконов это... священно. Так что пока вы с ним связаны, никто вас пальцем не тронет.

Я кивнула, переваривая новую информацию. Истинная пара. Значит, у этой связи есть название, и оно что-то значит для местных. Что ж, по крайней мере, теперь я знала, как это

называется.

Я сжала его локоть чуть крепче, чем собиралась, и почувствовала, как страх понемногу отступает, уступая место холодной, расчётливой сосредоточенности. Ладно. Раз я здесь, раз я чья-то истинная пара, — придётся играть по их правилам. Хотя бы до тех пор, пока я не пойму, как из этой игры выйти.

Зал Совета встретил меня холодом и мраком. Громадные своды терялись в тенях, и каменные стены, казалось, давили самым своим присутствием — не на плечи, а на что-то глубже. Четыре трона стояли полукругом, и на них сидели четыре фигуры, от которых веяло древней, пугающей силой.

Артикин занимал центральный трон из чёрного обсидиана. Его поза была расслабленной, но пальцы впились в подлокотники с такой силой, что побелели костяшки. Его взгляд нашёл меня сразу, едва я переступила порог, — тяжёлый, предупреждающий.

Справа от него сидела женщина в струящихся сиреневых шелках, бледная, почти прозрачная, и её белые глаза без зрачков смотрели сквозь меня, как будто видели не лицо, а что-то внутри. Слева — дракон в багровом одеянии цвета запёкшейся крови, с грубым, покрытым шрамами лицом и узкими жёлтыми глазами, которые сверлили меня с ледяной враждебностью. Напротив расположился сухой, поджарый дракон в строгом тёмно-зелёном камзоле, сидевший прямо, как копьё; его маленькие, ярко-зелёные глаза сканировали

меня, выискивая малейший признак слабости.

Тишина давила. Чужие взгляды — любопытные, враждебные, оценивающие — впивались в кожу, и я почувствовала, как пересохло во рту.

— Приблизься, пришлая, — голос дракона в багровом одеянии прокатился по залу низким, утробным раскатом.

Я сделала шаг вперёд. Ноги слушались плохо.

— Как ты прошла сквозь Пелены? Кто тебя вёл?

— Никто не вёл, — ответила я, и голос, к собственному удивлению, прозвучал ровно. — Меня вырвало из моего мира и выбросило в ваш лес. Против моей воли.

— Против воли? — переспросил он, и в его глазах блеснуло что-то похожее на насмешку. — Пелены не открываются случайно. Кто помог тебе?

— Дарквен, — холодный, точный голос женщины в сиреновом разрезал пространство. Её пальцы сомкнулись на аметисте, вправленном в ожерелье, и камень вспыхнул фиолетовым изнутри. — Артефакт молчит. Она не лжёт.

Дракон в тёмно-зелёном камзоле медленно выпрямился и сложил пальцы домиком.

— Это мало что меняет, — произнёс он сухо, и его голос напоминал шелест старой бумаги. — Если Пелены пропустили её, значит, в них появилась брешь. Или кто-то эту брешь проделал. В любом случае, она — угроза.

— Я не просилась сюда, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает гнев. — Меня вырвали из моего мира, из моей

жизни. У меня был дом, работа, пациенты, которым я нужна. А теперь я здесь, и вы называете меня угрозой только за то, что я существую?

— Ты лекарь? – Красный дракон прищурился.

— Да. Я врач. И я понятия не имею, почему оказалась здесь. Но я не враг вам. Я просто хочу домой.

— Хочешь домой, — повторил красный дракон, и его жёлтые глаза сузились.

Он опёрся подбородком о кулак и добавил, не скрывая безразличия:

— Твои слова сейчас мало что значат. Пелены не ошибаются, а ты здесь. Значит, либо ты врешь, либо тебя прислали. В любом случае, нужно решить, что с тобой делать.

— Совет решит, — перебил его Артикин, поднимаясь.

Он не повысил голоса, но в зале мгновенно стало тихо. Воздух сгустился, как перед грозой.

— Она — моя истинная пара, — произнёс он, и эти слова прозвучали как приговор. — Связь подтверждена меткой. Кто хочет оспорить — пусть скажет сейчас.

Глава 5

Тишина в Зале Совета стала густой, почти осязаемой. Она продержалась всего мгновение — ровно до того, как золотые узоры на моих запястьях вспыхнули в ответ на шаг Артикина. Свет от них заиграл на полированном камне пола, и я инстинктивно отдёрнула руки, прижимая их к груди, но было поздно.

Все трое правителей кланов поднялись одновременно. Их глаза — от холодного голубого до ядовито-зелёного — сузились, узнавая знак.

Первым молчание нарушил красный дракон, тот, что сидел слева от Артикина в багровом одеянии. Его лицо, грубое и изборозждённое шрамами, потемнело ещё сильнее.

— Не может быть, — пророкотал он, и голос его прозвучал как дальний подземный гул.

Пальцы красного впились в подлокотники так, что камень под ними жалобно затрещал. Следом заговорила женщина в сиреновом — она склонила голову первой, и её белые глаза смотрели на мои запястья с каким-то новым выражением, которого я раньше не видела.

— Метка Истинной Пары, — произнесла она тихо, и в её голосе прорезалось что-то почти благоговейное. — Я чувствую древнюю кровь. Она пульсирует, как живая. Такой силы я не встречала никогда.

Она выпрямилась и посмотрела мне в глаза — впервые за всё время не сквозь, а прямо.

— Для драконов это священо. Истинная Пара — дар, который выпадает раз в тысячелетие. Мой клан признаёт связь. Пусть она будет нерушима.

Рядом поднялся третий — сухой, поджарый дракон в тёмно-зелёном камзоле. Его ярко-зелёные глаза смотрели на меня внимательно, но без враждебности, как на уравнение, которое нужно решить.

— Мой клан не возражает, — сказал он спокойно. — Истинная Пара — это всегда усиление крови. Утёс получит новые возможности. — Он сделал короткую паузу и добавил сухо: — Надеюсь, они того стоят.

Артикин, до этого стоявший неподвижно, наконец сдвинулся с места. Один шаг вперёд — и всё внимание зала снова приковано к нему.

— Совет признал связь, — его голос прозвучал громко и чётко, перекрывая возможные возражения. — Откуда она пришла и как оказалась здесь — больше не имеет значения. Она — моя пара, и этого достаточно. Вопросы о её прошлом закрыты.

Он обвёл взглядом троны, задерживаясь на каждом из правителей.

— Сильра. Вейлор. Вашу позицию я понял.

Его взгляд утяжелился, остановившись на красном драконе.

— Дарквен. С тобой — тоже.

Дарквен лишь хрипло фыркнул, и из его ноздрей вырвался едкий серный дым.

Сильра повернулась ко мне. Её белые глаза сузились, и по коже побежали мурашки.

— Ты знаешь, кто на вас напал в лесу? — спросила она.

Я покачала головой.

— Тёмные маги. Прислужники Мор'гаэль.

— Мор'гаэль? — переспросила я. Имя ничего не сказало, но прозвучало тяжело, как камень, упавший в воду.

— Древняя богиня, — пояснила Сильра. — Вернее, то, что от неё осталось. Наши предки заточили её в вечный сон. Но слуги не оставляют попыток разбудить.

Она сделала паузу, и я поняла, что сейчас прозвучит что-то страшное.

— Они думают, что ты можешь это сделать. Твоя сила — та, что исцелила Артикина, — для них как ключ.

— Разбудить? — прошептала я, чувствуя, как холодеют пальцы. — Чтобы она...

— Уничтожила нас, — закончила Сильра без драмы, просто констатируя факт. — Первым делом — драконов. Так что да, дитя. На тебя теперь будут охотиться.

В груди всё перевернулось. К горлу подкатил комок.

— И вы тоже хотите меня использовать? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Эта ваша связь, этот дар... вы про детей, да? Чтобы я рожала воинов?

Сильра не отвела взгляда. В её белых глазах не было ни зла, ни сочувствия — только спокойная, холодная правда.

— Мы хотим выжить, — сказала она. — Дети Истинной Пары — это будущее Утёса. Для нас — надежда. Для тебя — честь.

— Честь? — я горько усмехнулась. — Меня вырвали из моего мира против воли, затащили сюда, связали с человеком, которого я знать не знаю, а теперь говорят, что я кому-то что-то должна. И это называется честью?

— Ты хоть понимаешь, что тебе дано? — прорычал Дарквен, и его жёлтые глаза полыхнули. — Такие, как ты, веками молятся о подобном даре. А ты смеешь жаловаться?

— Довольно.

Артикин сошёл с трона. Одно движение — и воздух стал густым, тяжёлым. Его тихий голос прозвучал отчётливо, как удар стали о камень.

— Связь признана. Обсуждать нечего.

Его взгляд на секунду впился в Дарквена.

— Совет окончен.

Он повернулся ко мне.

— Идём.

Его рука легла на спину — не грубо, но твёрдо. Прикосновение обожгло, метки на запястьях вспыхнули в ответ, и я дёрнулась, пытаюсь выскользнуть, но его пальцы лишь сильнее сжались. Я чувствовала на спине тяжёлый взгляд Дарквена, пока мы шли через бесконечные каменные коридоры, и

воздух становился холоднее с каждым шагом.

Он остановился перед резной дубовой дверью.

— Это твоя комната, — сказал он, открывая её. — Мои покои рядом. Здесь ты будешь в безопасности.

Я отпрянула, прижимаясь спиной к косяку.

— Твои покои? Рядом? — Я сглотнула ком в горле. — Найди мне комнату в другом крыле.

Артикин посмотрел на меня устало. Мой испуг, кажется, был для него очередной необъяснимой загадкой.

— Это самые безопасные покои в цитадели, — произнёс он ровно, но в уголке его рта дрогнула мышца. — Ты будешь жить здесь.

— Безопасные? — я сжала кулаки, чувствуя, как дрожь пробирается по телу. — Или удобные? Чтобы твоя пара всегда была под рукой?

Он резко развернулся и отошёл к камину. Несколько секунд стоял молча, глядя на пламя, и я видела, как напряжены его плечи.

— Ты в опасности, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — Тёмные уже пытались тебя забрать. Здесь ты под защитой. Он повернулся, и его взгляд стал тяжелее.

— Или ты думаешь, мне нужна женщина, которая смотрит на меня как на тюремщика? Мне нужна живая пара.

Его слова прозвучали как приговор — не злой, но окончательный.

— И это всё? — мой голос сорвался на шёпот. — А то, что я чувствую? Тебе наплевать?

Он медленно обернулся, и в его глазах не было гнева — только усталое недоумение, будто я говорила на незнакомом языке.

— Сейчас не время для чувств, — сказал он. — Пока за стенами охотятся тёмные, мы должны думать о выживании.

Я горько усмехнулась.

— Отлично. Тогда давай просто разорвём эту связь. Наверняка есть способ.

Он шагнул вперёд — один стремительный шаг, — и оказался передо мной, заслоняя собой полмира. В его глазах вспыхнули золотые искры.

— Ты не понимаешь, о чём просишь, — произнёс он, и его голос прозвучал ниже обычного. — Связь нельзя разорвать без ущерба для нас обоих. Ты здесь. Это неизменно. И чем быстрее ты примешь это, тем легче будет нам обоим.

Я не ответила. Просто стояла и смотрела на него, чувствуя, как внутри разрастается холод. Он не понимал. Никто из них не понимал. Они видели метку, связь, дар — и не видели меня.

Он отступил к двери.

— Тебе нужно отдохнуть и понять этот мир, — сказал он, и его голос прозвучал глухо. — Завтра поговорим.

Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком.

Я осталась одна. Подошла к огромному окну, прижала ла-

донь к холодному, идеально гладкому стеклу. За ним расстился чужой мир — тёмный, огромный, полный опасностей, о которых я ещё даже не догадывалась. Где-то там, за этими стенами, меня уже искали. А здесь, внутри, меня называли парой, надеждой, ключом — и никто не спросил, чего хочу я сама.

Я опустила взгляд на запястья. Метки горели ровным золотым светом, и я чувствовала его — где-то за стеной, в соседней комнате, — живого, усталого, чужого. Нить между нами пульсировала, как обещание, от которого нельзя отказаться.

Глава 6

Проснулась я от запаха — сладковатого, с горьковатой ноткой воска и пепла, который просачивался в комнату откуда-то из глубины замка и смешивался с утренним светом, лившимся сквозь высокое окно. Метки на запястьях пульсировали слабо, без боли, одним только глухим теплом, и я, ещё не открыв глаз, почувствовала, как натянулась и замерла та самая невидимая нить, что тянулась от меня к Артикину. Он был где-то недалеко — не в соседней комнате, но в пределах цитадели, — и от этого знания хотелось одновременно отодвинуться подальше и прислушаться внимательнее.

Я стиснула зубы и заставила себя отогнать эти мысли. Не сейчас. Сейчас нужен был завтрак и несколько минут тишины, в которые никто не будет вторгаться с судьбой, долгом и прочей драконьей торжественностью.

Словно в ответ на мои мысли, в дверь постучали — негромко, деликатно, совсем не так, как входили здесь все остальные.

— Войдите.

Анна появилась на пороге с подносом, и её утреннее лицо показалось мне чуть более домашним, чем вчера: медные кудри выбились из-под чепца, а на фартуке красовалась вышивка — маленький дракончик с кривоватым крылом, явно сделанный детской рукой. От этого несоответствия — суро-

вые стены, древняя магия и нелепый дракончик на фартуке — на душе стало немного теплее.

— Доброе утро, госпожа, — Анна поставила поднос на столик у окна, и по комнате поплыл запах свежей выпечки и мёда. — Булочки с корицей и мёдный чай. Господин Артикин просил проследить, чтобы вы непременно позавтракали.

— После вчерашнего я настолько ценная собственность, что за моим завтраком нужен надзор? — спросила я, но рука сама потянулась к тёплой булочке, и в голосе не было настоящей злости — только усталая ирония, которая, кажется, становилась моим способом обороны.

Анна покачала головой, и в её обычно сдержанных глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Нет-нет, госпожа, что вы. Господин Артикин просто... беспокоится. — Она на мгновение замялась, а потом, наклонившись чуть ближе, добавила доверительным шёпотом: — Если бы вы видели, как он вчера вечером заявился в пекарню, — все работницы аж подпрыгнули. Три раза заставлял переделывать тесто, каждый кусочек пробовал, будто от этого зависела судьба мира.

Я невольно хмыкнула, представив себе эту картину: огромный мрачный дракон, владыка Северных Земель, стоит в пекарне, перемазанный мукой, и хмурится, пробуя очередную булочку. Что-то в этом было до нелепости человеческое, и на мгновение мне стало чуть легче.

Я оделась в синий сарафан, который Анна предусматри-

тельно оставила на спинке стула, и села к окну, в зеркале напротив поймала своё отражение: бледное лицо, синяки под глазами, волосы, с которыми явно нужно было что-то делать. Красавица. Ни дать ни взять.

В этот момент дверь распахнулась с таким грохотом, что я вздрогнула и едва не выронила чашку, а чай опасно плеснулся через край.

— О, ты уже проснулась! — Тайрен ворвался в комнату с той же мальчишеской улыбкой, с какой вчера вёл меня по коридорам, и у меня мелькнула мысль, что этот рыжий вихрь, кажется, вообще не умеет входить в помещение иначе как с шумом.

— Ты всегда так врываешься? — выдохнула я, пытаюсь отдышаться.

— Только когда это того стоит, — подмигнул он, грациозно разворачиваясь на каблуках, и я заметила на его скуле старый, белёсый шрам, которого не разглядела раньше. — Господин Артикин ушёл по делам клана, так что сегодня я к твоим услугам. И, судя по твоему лицу, моё появление определённо того стоило.

— Ты невыносим, — сказала я, но без злости.

— Знаю, — охотно согласился он. — Это моё главное достоинство.

Он протянул мне чашку, которую я едва не уронила, и его пальцы случайно коснулись моих. От прикосновения по коже пробежало что-то горячее — не магия, а скорее обычный

жар, какой бывает у человека с быстрой кровью, — но я всё равно инстинктивно отдёрнула руку, и чай снова плеснулся. Тайрен на секунду замер, его зрачки сузились, став на миг вертикальными, а потом снова сделались обычными, круглыми, и он уже улыбался как ни в чём не бывало.

— Ты давно служишь Артикину? — спросила я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Тайрен откинулся на стуле, приняв небрежную позу, но плечи его остались напряжёнными — как у человека, который привык ждать нападения даже в минуты покоя.

— Три года, — он усмехнулся и сделал глоток из моей чашки, явно не спрашивая разрешения. — Уже знаю, где он прячет вино и как довести его до крика.

Он фыркнул, и прямо в воздухе между нами вспыхнула маленькая золотистая искра — совсем крошечная, с ноготь размером. Тайрен досадливо смахнул её с рукава и вздохнул.

— Ой, извини. Господин Артикин просто обожает, когда я поджигаю его ковры. У него, кажется, целая коллекция запасных — специально для меня.

Уголки моих губ дёрнулись против воли.

— Ладно, — сказал он уже серьёзнее, отставляя чашку. — «Служу» — громко сказано. На самом деле мой глава клана, Дарквен, мечтал прикопать меня где-нибудь на границе, но потом решил отправить на перевоспитание сюда.

Он щёлкнул пальцами, и на кончике вспыхнуло маленькое пламя — живое, танцующее.

— Одна искра — и пол-архива превратилось в пепел. А там были документы, которым лет триста, не меньше. Дарквен заявил, что это вандализм. Разгневался так, что стены тряслись. Орал, что я хуже горного ящера и что таким, как я, место не в клане. — Он замолчал, глядя в окно, и голос его стал тише. — Но спасибо и на том: Лейру, мою сестру, он со мной не сослал. Определил к Сильре, в Академию. Учится там. А я вот... перевоспитываюсь.

Он отодвинул пустую чашку и откинулся на спинку стула, и в его медных глазах уже не было прежней игривости — только тихое, спокойное любопытство.

— Ну, теперь твоя очередь, — сказал он негромко. — Что это был за свет? Тот, которым ты вытащила Артикина. Я такое впервые видел. Это ведь не просто так, да?

Я отвела взгляд, принявшись смахивать невидимые крошки со скатерти — просто чтобы чем-то занять руки.

— Я была врачом, — начала я тихо, подбирая слова, потому что никогда раньше не говорила об этом вслух. — Обычным врачом. На Земле нет магии, понимаешь? Совсем. Я даже не знала, что могу такое... пока он не упал рядом. Раньше, конечно, получалось — ну, затянуть ссадины, царапины, боль снять. Мелочи. Я думала, это просто... способность, какой-то врождённый талант. — Я сцепила пальцы в замок. — Бабушка говорила, что дар надо скрывать. Что если узнают — меня заберут. Но я думала, это просто страшилки. А теперь...

Я замолчала, глядя на свои ладони. Тайрен молчал, и это молчание было не неловким, а скорее внимательным — как будто он слушал не только слова, но и то, что стояло за ними.

— В здешней библиотеке, — произнёс он наконец, и его голос прозвучал небрежно, но я уловила в нём какую-то новую, напряжённую ноту, — есть один старый манускрипт. Про род целителей. Алмазных, кажется.

— Мы... — мой голос сорвался, и я сделала вдох, заставляя себя говорить чётко. — Мы можем посмотреть его сейчас?

Тайрен встал, и на его лице появилась та самая авантюрная ухмылка, которую я уже успела запомнить.

— Конечно. Если ты готова к маленькому приключению. Он протянул руку, я взяла её, и в этот миг воздух за окном взорвался хлопком крыльев — таким мощным, что стёкла задрожали в рамах и тонко зазвенели. Я вздрогнула, но Тайрен, прислушавшись на секунду, лишь усмехнулся и мотнул головой в сторону двери.

— Патруль. Кого-то из наших занесло слишком близко к замку. Я уж думал, опять Тёмные.

Он сжал мою руку чуть крепче, и в этом пожатии мне почудилось обещание, за которое я пока не готова была благодарить, но за которое уже была благодарна.

— Пойдём, — сказал Тайрен. — Библиотека ждёт.

Глава 7

Тайрен говорил о библиотеке с такой уверенностью, что это передалось мне прежде, чем я успела опомниться. Мы вышли в коридор, миновали двух стражников, застывших у поворота, и начали спускаться по широкой мраморной лестнице, уходившей куда-то в глубину Утёса. С каждым шагом воздух становился прохладнее, и к вездесущему запаху камня примешивался новый — сухой, чуть терпкий запах старого дерева и пергамента.

Тайрен толкнул массивные дубовые двери, украшенные серебряными рунами, и я замерла на пороге.

Библиотека оказалась не комнатой — целым миром под куполом, расписанным незнакомыми созвездиями. Бесконечные ярусы полок с фолиантами в тёмных переплётах поднимались к самому своду, а в воздухе парили хрустальные сферы с голубым пламенем внутри, и их свет отбрасывал на стены дрожащие тени, в которых угадывались очертания драконов — не то фрески, не то живые воспоминания, застывшие в камне.

— Ну как тебе? — Тайрен развёл руками, и его голос гулко отозвался под сводами. — Здесь есть всё, что нужно. В том числе и то, что тебе пригодится.

Он уверенно направился к дальнему стеллажу, порылся на полке и достал небольшой манускрипт в переплёте из чёрной

мерцающей чешуи, обёрнутый тканью цвета старой охры.

— «Род Алмазных Целителей. Хроники Силы Жизни»,
— прочитала я вслух. Книга была тяжёлой и странно тёплой на ощупь.

— Откуда она у тебя?

Тайрен почесал затылок.

— Лейра, сестрёнка. Она в Академии у Сильры учится, у неё доступ к закрытым архивам. Наткнулась на упоминания в древнем списке забытых родов, а когда слухи о тебе дошли, сразу мне написала. Ну я и нашёл. Пыли, правда, сдул тонну. Эту книгу, по-моему, лет двести не открывали.

Он фыркнул, и из ноздрей у него вырвалась крошечная золотистая искорка. Я невольно улыбнулась.

— Передай Лейре спасибо. И тебе. Это правда важно для меня.

— Пустяки. — Он махнул рукой, плюхнулся на стул и закинул ногу на ногу. — Слушай, а сколько тебе вообще лет? Выглядишь совсем юной.

— Двадцать восемь.

Тайрен уставился на меня, потом хмыкнул и покачал головой.

— Двадцать восемь. С ума сойти. А мне двести семьдесят семь. Я тут перед тобой как старик сижу.

— Двести семьдесят семь? — у меня перехватило дыхание.

— Ну да. Но ты не переживай. Ты маг, и сильный, а ма-

ги живут веками. — Он кивнул на мои запястья. — А с Истинной Парой твоя жизнь может растянуться до драконьей. Артикину, между прочим, под четыреста. Так что у вас всё впереди.

Меня передёрнуло. Четыреста лет. Я сжала кулаки, и метки на запястьях отозвались глухим теплом.

— На Земле люди сами решают, с кем им быть. Сами выбирают. А здесь...

Тайрен посмотрел на меня — без усмешки, серьёзно.

— Понимаю. Здесь иначе. — Он помолчал и вдруг сменил тон: — Ладно, расскажи что-нибудь. Как ты вообще жила там, у себя? Чем занималась?

Я на мгновение задумалась.

— Лекарем была. У нас это врач называется. Лечила людей, только без магии. На Земле магии нет вообще.

— Совсем-совсем нет? — он прищурился. — И как же ты тогда справлялась?

— Руками, знаниями, лекарствами. Люди и без магии неплохо обходятся, представь себе. — Я слабо улыбнулась. — Случалось, конечно, всякое.

Он чуть наклонился вперёд.

— Например?

Я задумалась, перебирая в памяти годы практики, и улыбка стала шире.

— Был у нас один пациент, мужчина лет шестидесяти, с болями в животе. Осмотрели, анализы взяли — ничего се-

рьёзного, диета и покой. А он выслушал всё это и говорит: «Доктор, дайте мне справку, что мне нельзя есть пироги». Я сначала не поняла, а потом выяснилось — у него тёща каждые выходные приезжает и привозит свои фирменные пироги с капустой. Он их терпеть не мог, но отказаться боялся. Вот и придумал такой выход. Мы ему выписали справку, а через неделю он вернулся с цветами. «Доктор, — говорит, — вы мне жизнь спасли».

Тайрен фыркнул, потом засмеялся в голос, и я не выдержала — тоже рассмеялась. Мы смеялись, забыв обо всём.

— Справка от пирогов, — выдохнул он, утирая слезу. — Жаль, у нас такие не выписывают.

Дверь открылась. Не с грохотом — просто отворилась, но хрустальные сферы под куполом дрогнули, а воздух в зале мгновенно стал плотнее. На пороге стоял Артикин.

Он был в простой чёрной рубашке, расстёгнутой у горла, с растрёпанными волосами, и на скуле у него алела свежая царапина. Под глазами залегли тени. Его взгляд скользнул по моему лицу, потом — по Тайрену, и в этом взгляде не было ни угрозы, ни вопроса. Только тяжёлое, неподвижное внимание, от которого Тайрен перестал улыбаться и медленно поднялся со стула.

— Господин Артикин, — произнёс он ровно, без дрожи, но и без прежней лёгкости.

Артикин не ответил. Он перевёл взгляд на меня — на мои покрасневшие от смеха щёки, на сбившееся дыхание, —

и что-то в его лице изменилось: не злость, а сухое, холодное недовольство, какое бывает у человека, заставшего беспорядок в собственной гостиной.

Тайрен, видимо, почувствовал это раньше, чем я успела осознать. Он кашлянул и шагнул к двери.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал он, и это прозвучало буднично, как если бы он просто вспомнил о неотложном деле. — Совсем забыл — у меня там на кухне... дела, да точно.

Он махнул рукой и выскользнул за дверь, которая закрылась за ним с мягким щелчком. Я осталась одна напротив Артикина, чувствуя, как тишина в зале становится почти осязаемой.

Артикин не двигался. Его взгляд, в котором ещё тлели угли ярости, был прикован ко мне, но постепенно золотой огонь погас, сменившись тяжёлой усталостью. Он подошёл к столу, где лежал манускрипт, и кончиками пальцев провёл по чёрной чешуе переплёта — почти нежно, как прикасаются к старым ранам.

— Нашла, что искала? — спросил он, и голос его прозвучал хрипло.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он открыл книгу, и страницы сами зашелестели под его пальцами, оставиваясь на изображении молодой женщины.

— Я просто хотела понять... — начала я, но голос сорвался.

— Свой дар, — закончил он тихо. Его пальцы легли на

страницу рядом с моими, и по руке разлилось тепло. — Мариэлла. Из рода Алмазных Целителей. — Он посмотрел на портрет, потом на меня. — У неё твои глаза.

— Эта женщина очень похожа на мою бабушку, — выдохнула я. — Только молодая.

Он помолчал, глядя на портрет, потом закрыл манускрипт и отошёл к соседнему стеллажу. С минуту всматривался в корешки, затем достал другую книгу — массивную, в переплёте из потемневшей кожи, с металлическими застёжками, которые открылись сами, едва он к ним прикоснулся.

— Это «Книга Начала», — сказал он, возвращаясь к столу. — Здесь записано то, что драконы рассказывают детям. То, с чего всё началось.

Он раскрыл книгу. Страницы были заполнены не только текстом, но и иллюстрациями — старыми, почти выцветшими, но всё ещё живыми. Артикин провёл ладонью над одной из них, и рисунок на мгновение потеплел, краски стали ярче.

— Когда мир был молод, им правили двое: Эрезиль и Мор'гаэль. Супруги. — Он коснулся изображения мужчины с золотыми волосами и женщины с глазами цвета грозового неба. — Эрезиль был богом света, Мор'гаэль — богиней тьмы. Они держали равновесие.

Он перевернул страницу.

— А потом Эрезиль встретил Лиразэль. Она была духом ветра. — На новой иллюстрации женщина с развевающимися волосами стояла на краю утёса, а вокруг неё кружились

молнии. — Он полюбил её, и от этой любви родились мы.

— Драконы? — прошептала я.

— Да. Из бури. — Он показал на следующую страницу, где крошечные дракончики падали из облаков, как капли дождя. — Мор'гаэль узнала не сразу. А когда узнала... она не вынесла. Не от ненависти. От боли.

Он замолчал, и я увидела, как дрогнули его пальцы на странице.

— Она решила, что раз любовь привела к предательству, то любовь нужно уничтожить. И начала с нас. Эрезиль не мог убить её — она была частью его. Он погрузил её в сон. — Он перевернул ещё одну страницу, и я увидела богиню, уходящую в камень, и печати, смыкающиеся вокруг неё. — Но её обида оказалась сильнее. Она нашла тех, кто услышал её шёпот. Магов, которые видели в нас узурпаторов. Они стали Тёмными. Они верят, что если пробудить Мор'гаэль, она уничтожит драконов и вернёт миру тех, кого они называют истинными правителями.

— И они думают, что я могу это сделать? — спросила я, чувствуя, как холодеют пальцы.

Артикин закрыл книгу и посмотрел на меня — устало, без золотого огня в глазах.

— Думают. Твоя сила для них — ключ. Через неё можно достучаться до Мор'гаэль и сломать печати. Поэтому они пришли за тобой в лес. Поэтому придут снова.

В этот момент дверь приоткрылась, и в проёме показался

Тайрен с подносом, заваленным фруктами и пряниками. Он замер на пороге, переводя взгляд с меня на Артикина и обратно, и по его лицу скользнула тень — он явно понял, что вошёл не вовремя, но отступить было поздно.

— Простите, — произнёс он, и голос его прозвучал тише обычного. — Я только хотел оставить поднос. Подумал, вам может пригодиться.

Артикин медленно выпрямился, и в этом плавном, почти ленивом движении было что-то неуловимо опасное — он не повысил голоса, не сделал ни одного резкого жеста, но воздух в зале сгустился так, что у меня заложило уши. Несколько секунд он просто смотрел на Тайрена, и в этом тяжёлом, неподвижном молчании скопилось больше угрозы, чем в любом окрике.

— Ты, кажется, числишься в восточном дозоре, — произнёс он наконец, и каждое слово упало тяжело, как камень в воду. — Или я что-то путаю?

Тайрен замер, не донеся поднос до стола, и пальцы его дрогнули — пряник, тот самый, что он отломил мне минуту назад, скатился на пол и раскрошился о каменную плиту.

— Никак нет, господин, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я как раз собирался заступить...

— Собирался, — перебил его Артикин, и в его тоне прорезалась та самая сталь, от которой у меня мурашки побежали по коже. — Ты собирался, а восточная граница стоит без наблюдения. Ты носишь пряники, пока твой пост пусту-

ет. Ты развлекаешь беседами мою пару, пока твои обязанности лежат невыполненными.

Он шагнул к Тайрену — один шаг, плавный и страшный, — и остановился в полуметре от него, глядя сверху вниз. Золото в его глазах вспыхнуло с новой силой, и я увидела, как побелели костяшки его пальцев, сжатых в кулак.

— Ты не мальчишка, Тайрен. Ты воин моего крыла, и я жду, что ты будешь вести себя соответственно. — Он выдержал паузу, и в наступившей тишине было слышно только потрескивание хрустальных сфер под куполом. — Или мне напомнить тебе, что бывает с теми, кто забывается?

Тайрен побледнел, но выдержал взгляд и не отступил.

— Никак нет, господин. Разрешите отправиться на пост?

Артикин смотрел на него ещё мгновение — долгое, вязкое, полное невысказанного, — потом медленно, словно через силу, разжал кулак и отступил на шаг.

— Проверишь каждую скалу. Лично. Доклад — мне.

Тайрен коротко кивнул, развернулся и вышел, не сказав больше ни слова. Дверь закрылась за ним с тем же мягким, окончательным щелчком, что и прежде.

Артикин повернулся ко мне. Золото в его глазах ещё дрожало, но уже начало гаснуть, и он на секунду прикрыл веки, опершись ладонью о край стола, словно хотел убедиться, что мир всё ещё стоит на месте, а потом выпрямился.

Глава 8

— Зачем ты так с ним? — спросила я, и голос прозвучал тише, чем мне хотелось бы, но в гулкой пустоте библиотеки он разнёсся от сводов до последнего стеллажа.

Он стоял напротив меня — после всего, что случилось, после того, как дверь за Тайреном закрылась, а он сам опёрся о стол и выпрямился, — и теперь смотрел куда-то в сторону, на полку с книгами, будто не мог заставить себя встретиться со мной взглядом.

— Тайрен знает свои обязанности, — произнёс он наконец, и голос его был ровным, как у человека, который очень старается, чтобы он звучал именно так. — Он должен был быть на посту, а не здесь.

— И поэтому ты готов сослать его на край света? За то, что он поговорил со мной? — Я скрестила руки на груди. — Что ты в этом увидел такого? Мы просто сидели и смеялись. Понимаешь? Мне было хоть немного легче, а ты...

Он резко выпрямился, и я осеклась. Не потому, что испугалась, — скорее потому, что он наконец перевёл взгляд на меня, и я увидела его лицо. В нём не было гнева — точнее, гнев был, но он сидел где-то глубоко, придавленный сверху усталостью и чем-то ещё, чему я не могла подобрать названия.

— Дело не в том, что он с тобой говорил, — сказал он

медленно, и каждое слово давалось ему с видимым усилием.
— Дело в том, как он это делал.

Он снова отвёл взгляд, и я заметила, как дрогнули его пальцы, сжатые в кулак, а потом медленно, словно через силу, разжались.

— Я дракон. Я привык к тому, что мои приказы не обсуждаются, а границы не нарушаются. Когда кто-то переступает черту, я реагирую... резко. Но с тобой всё иначе. — Он выдохнул и покачал головой. — Я не хочу, чтобы ты меня боялась.

Я не сразу нашлась, что ответить. Потому что он смотрел на меня и ждал — не угрозы, не подчинения, а просто ответа.

— С тобой непросто, — сказала я, и голос мой был усталым, без злости, но с той честностью, которая режет любое крика. — Ты давишь, даже когда молчишь. Ты решаешь за меня, ты смотришь на меня — и я чувствую себя не человеком, а обязательством. С тобой хочется держать дистанцию, потому что ты сам её выстроил.

Он не отвёл взгляд. Просто стоял и слушал — и это было, наверное, самым неожиданным из всего, что он делал до сих пор.

— Я не умею иначе, — произнёс он наконец, и в этих словах не было ни гордости, ни оправдания — только усталая, выстраданная честность. — Четыреста лет я жил один, и меня это устраивало. Я не знал, что можно иначе. А теперь ты здесь, и я... я не знаю, что делать. Как подойти, как говорить.

Я вижу, что тебе плохо, и не понимаю, как сделать так, чтобы было лучше. Я вижу, что ты отгораживаешься от меня, и не знаю, как через это пробиться.

Он шагнул ко мне — один шаг, осторожный, будто ступал по льду, — и остановился, не дойдя совсем немного.

— Я не чудовище, Лилия. Я не хочу, чтобы ты видела во мне чудовище. — Он помолчал и добавил тише: — Сегодня, после заката, в саду, на западной террасе. Давай просто поужинаем. Никаких обязательств, никаких разговоров о долге и Совете. Просто... мы вдвоём.

Я смотрела на него — на этого огромного, уставшего, сбитого с толку дракона, который только что впервые в жизни, кажется, признался в собственной беспомощности, — и чувствовала, как внутри что-то медленно, нехотя отпускает.

— Хорошо, — сказала я, и собственный голос показался мне незнакомым. — Я приду.

Он не улыбнулся — только выдохнул, и я увидела, как опустились его плечи, будто с них сняли невидимый груз.

— Я буду ждать тебя после заката.

Я шла по коридорам Утёса, и шаги мои звучали гулко в пустоте. «Я не умею иначе» — его слова всё ещё стояли в ушах, и я прокручивала их снова и снова, пытаюсь понять, в какой момент мой гнев начал отступать. Наверное, тогда, когда он сказал, что не хочет меня пугать. Или тогда, когда признался, что не знает, как со мной говорить. Владыка Се-

верных Земель, которому подчиняются драконы и трепещут старейшины, — и он не знает, как говорить с одной-единственной женщиной из другого мира. Это было почти смешно. И почти трогательно.

Я всё ещё злилась на него за Тайрена. И за то, что он думает, будто имеет право решать, с кем мне общаться. Но теперь к этой злости примешивалось что-то ещё — понимание, которое я не готова была принять, но от которого уже не могла отмахнуться. Он не был идеальным, он был властным, резким, вспыльчивым, но не был чудовищем. И он только что попросил у меня шанс — так, как просят не врага, а человека, мнение которого вдруг стало важным.

Перед дверью в мои покои я остановилась и прислонилась лбом к прохладному дереву. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле. Я дала слово. И теперь мне предстояло его сдержать.

В моих покоях было тихо, и эта тишина после гулких коридоров показалась мне почти оглушительной. Я прошла к гардеробу и распахнула тяжёлые створки — буйство тканей и красок, шёлк, парча, бархат, самоцветы, роскошь, о которой на Земле я не могла и мечтать. Пальцы скользнули по прохладной глади и остановились на простом платье из серебристо-серого шёлка — скромный вырез, длинные рукава. Оно напоминало мне то, что я могла бы надеть дома, в своём мире, где не было драконов и меток на запястьях.

Я переоделась и подошла к высокому зеркалу. Из отраже-

ния на меня смотрела женщина с раскрасневшимися щеками и слишком ярким блеском в глазах, и я вдруг поймала себя на мысли: «А понравится ли ему?» — и тут же рассердилась на себя за эту мысль.

— Я оделась так исключительно ради себя, а не ради него, — пробормотала я вслух и отвернулась от зеркала.

На широком мраморном подоконнике что-то шевельнулось. Кот, пепельно-серый, с гигантскими клыками и холодными зелёными глазами, — сидел, свернувшись, и смотрел на меня с невозмутимостью, граничащей с насмешкой.

— Ну и чего уставился? — проворчала я, подходя к окну и опускаясь на край подоконника. — Дурочка наряжается на свидание с тем, кто считает меня своей по праву судьбы. Смешно, правда?

Кот медленно потянулся, демонстрируя клыки, и лениво облизнулся, ничуть не впечатлённый моей исповедью. Потом прыгнул, бесшумно подошёл и начал тереться о мои ноги — мягкой головой, тёплым боком, и я невольно опустила руку, чтобы погладить его по спине. Под пальцами заурчало — низко, глубоко, успокаивающе.

— Он просто невыносимый, — сказала я коту, продолжая гладить его.

Кот заурчал громче и прикрыл глаза, и в этом мурлыканье мне послышалось что-то вроде одобрения. Я вздохнула и в последний раз провела ладонью по его тёплой шерсти.

Свет за окном почти погас, уступая место индиговым су-

меркам, и времени на колебания больше не оставалось.

Путь к Западной Террасе вёл через сады Утёса. Я шла по узкой дорожке из светящегося камня, петляющей среди кустов с листьями цвета аметиста и серебра, и воздух был густым и сладким от аромата ночных цветов. Их огромные бархатные бутоны раскрывались, наполняя сумерки благоуханием, а где-то в траве стрекотали невидимые насекомые, и последние лучи малинового солнца цеплялись за вершины гор, окрашивая небо в пурпур и золото. С каждым шагом тревога смешивалась с ожиданием — тягучим, почти сладким, — и я уже не пыталась отделить одно от другого.

Западная Терраса открылась передо мной как уютное убежище. Мраморные плиты под ногами были тёплыми, нагретыми за день, а низкая каменная ограда, увитая тёмно-синими лианами со звёздчатыми цветами, отделяла террасу от бездны, в которой клубился вечерний туман. Стол, накрытый у самой ограды, выглядел щедро и приглашающе: несколько сортов хлеба и лепёшек, деревянная доска с разными сырами, тарелки с копчёным мясом, рулетиками из птицы и маленькими пирожками, филе рыбы под соусом, миска с тушёными овощами и грибами, корзина с фруктами — знакомыми и диковинными — и напитки в глиняном кувшине и прозрачном графине, а рядом — мёд, масло, орехи.

Артикин стоял спиной ко входу, у самого края террасы, опираясь ладонями о парапет. Его силуэт, чёткий и мощный в простой тёмно-синей льняной рубаше, рисовался на фоне

угасающего багрянца.

Мой шаг по гравию прозвучал громче, чем хотелось, и он обернулся — не резко, а плавно, как будто ждал этого звука. Его взгляд нашёл меня, скользнул по лицу, задержался на сером шёлке платья, вобравшем последние отсветы заката, и в его глазах не было привычного льда — было что-то иное, глубже и теплее.

— Ты пришла, — произнёс он, и голос его был ровным, спокойным, без тени прежнего триумфа. Только глубокое удовлетворение и что-то ещё, чего я не могла назвать. Он кивнул в сторону стола. — Надеюсь, найдётся что-то по твоему вкусу. Ты, наверное, голодна.

— Я же сказала, что приду, — ответила я, чувствуя, как смущение сковывает язык, и перевела взгляд на стол, ища спасения.

Он чуть помедлил, прежде чем ответить, и в его голосе слышалась лёгкая, почти неуловимая нотка неуверенности.

— Я не знал, что ты предпочитаешь. Попросил принести всего понемногу. Надеюсь, что-то тебе понравится.

Он отодвинул для меня стул — простое, человеческое движение, которое в его исполнении выглядело почти непривычно, — и я села, всё ещё чувствуя, как колотится сердце, но уже не пытаюсь его унять.

Глава 9

Мы молча подняли бокалы, и вино оказалось тёмным, терпким и обжигающе горьким. Я сделала глоток, чувствуя, как тепло медленно разливается по жилам, а тишина, повисшая над столом, была уже не враждебной и не настороженной — скорее задумчивой, наполненной тем, что мы оба пока не решались произнести вслух.

Он тоже отпил, но медленнее, и его взгляд скользил по моему лицу с тем осторожным любопытством, с каким разглядывают сложную головоломку, которую раньше видели только издалека. Потом он пододвинул ко мне деревянную миску с мелкими плодами, похожими на виноград, и сказал без тени приказа в голосе, просто предлагая:

— Попробуй соларные ягоды. Они тут почти у каждого куста растут, но эти, кажется, ничего.

Вкус оказался неожиданным и приятным — сладким с кислинкой и чем-то ещё, напоминающим цитрус, — и я невольно зажмурилась от удовольствия. Он заметил это и, кажется, остался доволен, потому что весь оставшийся ужин продолжал в том же духе: пододвигал то пирожок с мясом горной козы, то кусок сыра с ореховыми нотками, тихо комментируя, что вот это лучше есть горячим, а сыр делают в Нижних пещерах, где, говорят, особая плесень. Мы не касались ни одной из тем, что ждали нас за пределами этой

террасы, и в этом молчании за едой было что-то удивительно мирное — как будто мы оба решили взять передышку от войны, судьбы и меток на запястьях.

Когда я наконец отодвинула тарелку, он мягко спросил, и в его голосе прозвучал тот самый неподдельный интерес, которого я никак не ожидала:

— Расскажи мне о своём мире. Там ведь всё иначе, да?

Вопрос застал меня врасплох. Я помолчала, пытаюсь нащупать слова, которые смогли бы перекинуть мост через пропасть между нашими мирами.

— У нас нет магии. Вообще, — начала я. — Люди научились обходиться без неё. Вот у вас повозки тащат лошади, а у нас... машины. Железные повозки, которые едут сами. Без лошадей, без заклинаний — просто едут.

Он нахмурился, но ничего не сказал, и я продолжила, чувствуя, как слова путаются от невозможности объяснить то, что здесь не с чем сравнить.

— А ещё есть самолёты. Огромные железные машины, которые летают по небу, и внутри сидят люди. Как... как драконы, только не живые. Мы сами их строим. Садись в такую машину — и через несколько часов она переносит тебя через весь мир.

— Через весь мир? — переспросил он, и в его голосе не было насмешки, только попытка вместить услышанное в рамки возможного. — Без магии?

— Без магии, — подтвердила я, невольно улыбнувшись

его изумлению. — Это сложно объяснить. Мы просто долго учились понимать, как устроен мир.

Он покачал головой, переваривая, а потом снова поднял на меня глаза — и теперь в них читалось что-то новое: глубокое, почтительное уважение, которое он, кажется, сам ещё не до конца осознавал.

— Но если у вас нет магии, — заговорил он медленно, будто всё ещё складывал куски головоломки, — то как ты стала лекарем? Как можно лечить без дара?

— У нас все лечат без дара, — ответила я. — На Земле вообще ни у кого нет магии. Но люди всё равно болеют, и кто-то должен им помогать. Я выбрала это дело и училась много лет.

Он замер, не донеся бокал до губ.

— Ты хочешь сказать, что могла исцелять людей... знаниями?

— Это целая система, — я наклонилась чуть вперёд. — Ты изучаешь тело, узнаёшь, что у него внутри, почему болит, и помогаешь — снадобьями, мазями, иногда просто руками. Как ты знаешь, куда ударить, чтобы выиграть бой, так я знаю, куда надавить, чтобы снять боль.

Он долго молчал, и я видела, как в его голове перестраивается картина мира, в котором целительство всегда было даром богов. Наконец он произнёс тихо, и голос его прозвучал теплее, чем раньше:

— А кто тебя ждал дома? — спросил он после паузы.

— Никто, — ответила я, и голос прозвучал ровно, хотя внутри что-то дёрнулось. — Бабушка умерла пять лет назад. Родителей я не помню. Так что... никто.

Он не стал говорить пустых утешений — просто замолчал рядом, и в этом молчании было больше понимания, чем в любых словах. А потом тихо произнёс:

— Здесь немного душно. Прогуляемся? Тут тропинка хорошая.

Мы сошли с террасы на узкую дорожку, усыпанную светящимся гравием, и прохладный воздух сада, напоенный ароматами трав и ночных цветов, остудил моё разгорячённое лицо. Он шёл рядом, так близко, что его плечо иногда почти касалось моего, и это молчаливое соседство странным образом успокаивало — как будто мы оба решили, что слов на сегодня уже достаточно.

Дорожка сузилась, и я, засмотревшись на какие-то светящиеся бутоны, запнулась о выступающий корень. Он даже не вздрогнул — просто его рука в ту же секунду сжала моё запястье, твёрдо и уверенно. На мгновение мы застыли, и в темноте я увидела, как его глаза вспыхнули золотым — не от гнева, а от какой-то острой, мгновенной тревоги, которая тут же погасла, когда он понял, что я не упала. Он сразу разжал пальцы, как будто обжёгся, но тепло его прикосновения осталось на коже.

— А ты? — спросила я, чтобы разрядить внезапно сгустившееся молчание и заодно скрыть собственное смущение.

ние. — У тебя есть семья?

Он помедлил, и я заметила, как напряглись его плечи.

— Уже нет. Родители погибли. Осталась только сестра.

Мы прошли ещё несколько шагов, прежде чем он заговорил снова, но теперь его голос звучал иначе — тише, глуше, словно каждое слово приходилось выталкивать силой.

— Она замужем за Дарквенем. — Он выдохнул это имя, а не произнёс, будто оно обжигало горло.

— Это был её выбор? — спросила я тихо.

— Она сказала, что влюбилась. — В его голосе прорезалась тупая, бессильная боль. — Дарквен красив, умеет говорить, окружил её вниманием... Совсем девчонка. А теперь она привязана к нему, и я ничего не могу изменить, потому что всё ещё верит в свою любовь. А он этим пользуется.

Я ничего не ответила, только смотрела на него, и в этот момент он показался мне не владыкой, а просто уставшим мужчиной, который потерял слишком многих.

— Мне очень жаль, — прошептала я, и это действительно было так.

Он осёкся и замолчал, глядя куда-то в темноту

Мы вышли на небольшую смотровую площадку, с которой открывался вид на долину, утопавшую в серебристо-лиловой мгле. Где-то далеко, у самого горизонта, ещё догорали последние отблески малинового солнца.

Артикин молчал, глядя вниз, и я чувствовала, что он собирается с силами, прежде чем заговорить снова.

— Твоя бабушка... — произнёс он наконец, и голос его стал мягче, почти осторожно. — Ты сказала, её звали Мария?

— Да. А что?

— Мариэлла, — поправил он тихо, и в его произношении имя зазвучало как что-то знакомое и дорогое, как мелодия, которую он не слышал много лет. — Я знал её, Лилия. Очень давно.

Я почувствовала, как что-то холодное пробежало по спине.

— Откуда ты...

— Мой отец умирал, — перебил он, и я увидела, как он подбирает слова — не чтобы смягчить правду, а чтобы она не раздавила меня своей тяжестью. — Ни один целитель не мог помочь. А она пришла и вытащила его. Он потом до конца своих дней говорил, что обязан ей жизнью, и велел мне помнить это имя.

Он замолчал и посмотрел на меня с выражением, в котором было что-то совсем новое: глубокая, застарелая благодарность, смешанная с болью.

— А потом она исчезла. Со своей маленькой внучкой, — повторил он, и в его голосе звучало глухое недоумение человека, который так и не получил ответа. — Никто не знал, почему. Алмазные Целители всегда жили обособленно, вдали от всех, и когда они уходили — они не объясняли причин. Мы просто... потеряли её след.

Он замолчал, и я увидела, как дрогнули его пальцы. А потом он поднял глаза на меня — и в них была та самая растерянность, которую я впервые заметила там, в библиотеке.

— Только теперь, когда ты оказалась здесь, я начинаю понимать. Тёмные... они охотились за ней. И то что ты появилась здесь, это не может быть совпадением. — Он осёкся и замолчал, глядя на меня так, будто только что сложил куски головоломки, которые лежали перед ним годами.

В голове звенело. Обрывки воспоминаний — бабушкины страхи, её вечные предостережения, печаль в глазах, которую я тогда списывала на возраст, а теперь понимала совсем иначе, — всё это складывалось в картину, от которой захватывало дух. Она бежала. Не просто ушла — бежала, спасая меня. И её страх, который я детской душой принимала за странность, был не странностью, а единственным, что сохранило нам жизнь.

— Вот почему, — выдохнула я, и голос прозвучал хрипло и беспомощно.

— Да, — его ответ был безжалостным и чётким. — Ты не случайность, Лилия. Ты — наследница. И их главная цель.

Тишина, повисшая после этих слов, была густой и тяжёлой, как воздух перед грозой. Он видел, как я разваливаюсь на части, и его рука поднялась — медленно, давая мне время отпрянуть, — и большой палец, грубый от мозолей, с невероятной нежностью смахнул слезу, о которой я сама не подозревала.

— Мне жаль, — прошептал он. — Что твоё наследие принесло тебя сюда. Что лишило выбора.

— У меня никогда и не было выбора, правда? — голос сорвался. — Ни там, ни здесь.

— Выбор есть всегда, — его пальцы всё ещё касались моей щеки, и это странным образом успокаивало. — Просто иногда он не в том, чтобы избежать судьбы, а в том, как её принять.

В глубине души что-то дрогнуло, надломилось и потянулось к нему — к его силе, к его честности, к его собственной боли. Это было страшно и необратимо. Он медленно опустил руку и взял мою, и его пальцы сомкнулись вокруг моих — крепко, но не сковывая. Это было не владение. Это была опора.

— Пойдём, — сказал он тихо. — Я провожу тебя.

Глава 10

Я осталась одна в своих покоях, и гнетущая тишина, которая раньше казалась просто пустотой, теперь давила на уши, словно вакуум, — плотная, неподвижная, заполненная только отзвуками того, что я узнала о себе за этот вечер. Груз откровений тянул ко дну, как камень на шее, и перед глазами всё стоял образ не бабушки, которую я помнила с детства, а Величайшей Целительницы Мариэллы Алмазной — женщины, спасшей отца Артикина, женщины, за которой охотились Тёмные, женщины, которая бежала в другой мир, спасая меня. Вся моя жизнь, каждый её спокойный день на Земле, каждая бабушкина страшилка о том, что дар нужно скрывать, — всё это оказалось не просто предосторожностью, а частью огромной, тщательно выстроенной лжи, которая защищала меня.

Усталость накатила внезапно, и я едва помнила, как доплелась до купальни, сбросила платье и погрузилась в горячую воду. Она обожгла кожу, растеклась по мышцам, но была бессильна смыть одно-единственное ощущение, которое впечаталось в память ярче всех остальных: шершавую, удивительно нежную подушечку его пальца на моей щеке. Я закрыла глаза, всё ещё чувствуя это прикосновение, а когда открыла — заставила себя встать, вытереться и добраться до кровати. Чёрное, беспросветное забытие, лишённое снов и

видений, поглотило меня с головой, едва голова коснулась подушки.

Утро пришло вместе с жидким золотом двух солнц, робко пробивавшимся сквозь оконное стекло, и деликатным стуком в дверь — тем самым, который я уже успела запомнить и который означал, что Анна принесла завтрак.

— Лилия? Вы не спите? Можно войти? — донёсся из-за двери её мягкий, заботливый голос.

— Заходи, — мой собственный голос прозвучал хрипло от сна, и я откашлялась, приподнимаясь на подушках.

Дверь отворилась, впуская в комнату соблазнительный аромат свежееиспечённого хлеба, цветочного мёда и чего-то терпкого, травяного — похожего на чай. Анна подошла к кровати с улыбкой и поставила передо мной резной деревянный поднос, на котором дымилась глубокая миска с душистой пшённой кашей, усыпанной рубиновыми ягодами и орехами, а рядом лежали румяные булочки.

— Каша по нашему особому рецепту, с мёдом и лесными дарами, — сказала она и, лукаво подмигнув, добавила: — У нас говорят: хочешь быть сильным, как дракон, — ешь как дракон.

Я не смогла сдержать ответной улыбки. Запах был умопомрачительным, и один лишь вид еды заставил мой желудок предательски заурчать.

— Спасибо, Анна. Пахнет потрясающе. Эх, жаль, кофе тут нет... — вырвалось у меня почти бессознательно, с тос-

кой по привычному утреннему ритуалу.

— Ко-фе? — служанка на мгновение нахмурила лоб, пробуя незнакомое слово на вкус, а затем рассмеялась. — Наверное, это что-то из вашего мира! Вы обязательно должны как-нибудь рассказать мне о нём! А пока — господин Артикин перед отбытием велел передать вам вот это.

Она протянула мне небольшую, но удивительно тяжёлую шкатулку из чёрного бархата. Я открыла её, и дыхание застряло в горле. На мягкой подкладке лежал браслет невероятной красоты: тончайшее серебряное плетение, напоминающее ажурное крыло дракона, а в центре — единственный камень тёплого, медово-коричневого оттенка, в точности повторявший цвет моих глаз. Он словно светился изнутри тихим, сдержанным светом.

Пальцы сами, помимо моей воли, потянулись к нему и едва коснулись холодного металла. Но я не надела браслет. Вместо этого опустила крышку шкатулки с тихим щелчком и отставила её на столик. Этот дар был слишком личным, чтобы принять его сгоряча, пока в душе ещё бушевала буря противоречивых чувств. Но сердце всё равно сделало в груди произвольный, тревожный скачок.

— А где сам... — начала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно.

Лицо Анны мгновенно омрачилось, и улыбка растаяла без следа.

— Улетел ночью. Проклятые Тёмные маги снова напали

на приграничную деревушку. Господин Артикин улетел с самым быстрым отрядом, чтобы попытаться отбить пленных.

— Спасибо, Анна, — я заставила свои губы растянуться в подобии улыбки, чувствуя, какой натянутой и неживой она получается.

Та кивнула и бесшумно удалилась, а я машинально принялась за еду. Каша и вправду была божественна — нежная, в меру сладкая, с хрустом орехов и кислинкой ягод, — но вкус почти не доходил до сознания, утонув в водовороте мыслей. На резном подоконнике, привлечённый запахом трапезы, бесшумно возник пепельно-серый кот. Он уселся в луче солнца, обвил хвостом лапы и уставился на меня своими раскосыми изумрудными глазами-щелями, полными немого вопроса.

— Ну, привет, — пробормотала я и потянулась, чтобы провести ладонью по его мягкой шерсти.

Кот громко и глубоко заурчал, словно миниатюрный моторчик, и спрыгнул на пол, чтобы потереться о мою ногу, выгибая спину.

— Я не могу просто сидеть без дела. Не для этого потратила столько лет на учёбу. Здесь же должен быть лазарет? Где я могла бы принести хоть какую-то пользу?

Кот отстранился, посмотрел на меня очень внимательно, будто действительно понял каждое слово, затем развернулся и сделал несколько чётких шагов к двери. Там он остановился и обернулся, вопросительно глядя на меня через плечо.

— Ты... что, хочешь, чтобы я пошла за тобой? — в моём голосе прозвучало недоверие, но странное чутьё подсказывало, что это не было шуткой. — Подожди немного!

Я бросилась вглубь покоев. Мысли путались, но руки действовали на автомате, совершая давно заученные утренние ритуалы. Плеснула в лицо холодной воды из медного таза — вода освежила, прояснила сознание, смывая остатки тяжёлого сна. Быстро расчесала волосы и заплела их в простую, тугую косу, чтобы не мешались. Затем накинула самое простое и практичное из имеющихся платьев — тёмно-серое, без лишних складок и украшений, с длинными рукавами, которые можно было закатать.

Взгляд на последнюю секунду задержался на бархатной шкатулке на столике. Я провела пальцами по гладкой крышке, но открывать её не стала. Не сейчас. Сейчас нужно было идти.

— Ладно, я готова, — объявила я, возвращаясь к двери, где кот с поистине королевским терпением ожидал меня, умывая лапу. — Веди.

Мой пушистый охранник уверенно повёл меня по коридорам, но вскоре свернул в узкий, слабо освещённый проход, спустился по крутой винтовой лестнице и замер перед неприметной, простой дверью. Из-за неё доносились приглушённые голоса, слышался звон стекла и витал стойкий запах целебных трав и чего-то резкого, химического — настоящий запах антисептики и тяжёлой работы. Это был стопроцентно

не аромат роскоши и власти. Это был запах реальности.

Кот уселся у самой двери, демонстративно вылизывая лапу, всем своим видом говоря: «Миссия выполнена. Дальше сама».

Я сделала глубокий вдох и вошла. Целительский блок оказался длинным, просторным помещением, заставленным рядами коек. Повсюду стояли столы, заваленные пузырьками, ступками, сушёными травами и свёртками с бинтами. И повсюду были люди. И не только люди — несколько очевидно драконьих мужчин в походной одежде со свежими, плохо перевязанными ранами. А в центре этого контролируемого хаоса, словно дирижёр трагического оркестра, парила Лира. Её серебряные косы, словно живые, развевались за спиной, а белые глаза мгновенно нашли меня в полумраке.

— Госпожа? — в её голосе прозвучало неподдельное удивление. — Вы ищете владыку? Его нет в цитадели.

— Нет, я... — я обвела взглядом переполненный лазарет, и что-то давно забытое и родное сжалось в груди. — Я искала вас. Вижу, у вас здесь не протолкнуться. На Земле я была лекарем. Если мои руки и мои знания могут быть хоть чем-то полезны... я буду рада помочь.

Лира замерла на мгновение, её незрячий взгляд будто сканировал меня насквозь, взвешивая все «за» и «против».

— От помощи опытного лекаря никогда не откажусь, — наконец произнесла она, и в её голосе впервые прозвучали ноты не снисхождения, а скорее уважения. — Если для вас

это не в тягость. Здесь, поверьте, каждая пара рук на вес золота.

— Мне не в тягость, — я искренне улыбнулась.

Она кивнула в сторону дальнего стола, заваленного материалами.

— Там готовятся перевязочные пакеты. Пропитайте их этим голубым раствором — он обеззараживает и снимает воспаление.

Я кивнула и сразу же включилась в работу. Привычные, отточенные движения успокаивали нервную дрожь в руках. Запах лекарств возвращал меня в родные стены больницы, к самой себе — той, которой я была до всего этого.

Мой первый пациент оказался молодым драконом с плечами богатыря и безрассудной ухмылкой. Глубокий порез на его предплечье выглядел зловеще, но он, казалось, вообще не обращал на него внимания. Чешуйки на скулах, отсвечивавшие медью даже в человеческом облике, поблёскивали при каждом его движении.

— Ну что, лекарь с далёких земель, — проворчал он, увидев меня с перевязочными материалами. — Готовьте свои самые страшные снадобья. Только предупреждаю — я громко кричу от розового масла.

Я не могла сдержать улыбки.

— Постараюсь обойтись без розового масла. Но если будет больно — можете ругаться. Говорят, это помогает.

— Ругаться? — он театрально поднял бровь. — Леди, по-

сле того как горный ящер попытался откусить мою руку, эта царапина — мелочь. Делайте, что должны.

Когда я обрабатывала рану голубоватым раствором, он лишь слегка поморщился, но не перестал болтать.

— Так вы правда с того света, где драконов нет? — поинтересовался он, с любопытством разглядывая мои манипуляции. — Как же вы там вообще выживаете без нашей очаровательной чешуи и умения поджаривать врагов до хрустящей корочки?

— Кое-как выживаем, — улыбнулась я, накладывая повязку. — Скажите, а правда, что драконы быстро восстанавливаются? Эта рана уже выглядит лучше, чем пять минут назад.

— О, это ещё что! — он самодовольно выпрямился. — От обычных ран — да, мы заживаем быстро.

Следующим пациентом оказался старый воин, лицо которого было картой былых сражений. Он молчал, пока я обрабатывала его новую рану на груди, лишь изредка морща нос, когда антисептик касался особенно глубокого места.

— Почему так много раненых? — осторожно спросила я, завязывая повязку. — Это всё после вчерашнего нападения?

Он хрипло выдохнул, и его голос звучал как скрип старого дерева:

— Вчерашнего? Дитя, это не одно нападение. Это война, которая не прекращается никогда.

В этот момент подошла Лира.

— Он прав, — её голос прозвучал тихо, но с железной твердостью. — Но хуже всего — их клинки Пустоты. — Она провела рукой над раной старого воина, не касаясь её. — Обычная рана заживает. Их рана... живёт. Магия Тьмы отравляет саму плоть, разъедает её изнутри. Она замедляет естественное исцеление в десятки раз. — Лира опустила руку, и в её обычно непоколебимом голосе я впервые услышала нечто похожее на смиренную беспомощность. — Мы можем бороться с симптомами, облегчать боль, но исцелить это... Практически невозможно.

Тишина, повисшая после её слов, была громче любого крика. Именно в тот момент я по-настоящему поняла, с чем они сражаются. И почему мой дар был так важен.

Позже мы ненадолго присели перекусить в тихом углу, заставленном склянками с приглушённым свечением. Разговор зашёл о методах исцеления. Я, оживившись, рассказала о рентгене, УЗИ, лабораторных анализах — всех тех чудесах моего мира, что позволяли заглянуть внутрь тела, не повредив кожу.

Лира слушала с неослабевающим вниманием, её глаза были прикованы к моему лицу.

— Удивительно, — прошептала она, когда я закончила. — Вы дробите целое на части, чтобы понять его. Мы... идём иным путём. Мы учимся видеть целое, не разбирая его. — Она мягко коснулась моей руки. — Позвольте показать.

Её пальцы легли мне на виски. Не было ни вспышки, ни

боли — лишь плавное погружение, как в тёплую воду. И вдруг я увидела. Не глазами, а всем существом. Я ощутила ток крови по своим сосудам, упругий ритм мышц, лёгкое покалывание в кончиках пальцев. Это было не изображение на экране — это было живое, дышащее картой моего собственного тела, проявленное в сознании.

— Обалдеть! — выдохнула я, пытаясь осмыслить это. — Это... прямое восприятие? Вы считываете саму жизненную силу?

Лира мягко убрала руку, и видение исчезло, оставив после себя лишь эхо.

— Можно и так назвать, — её губы тронула улыбка. — Мы ищем не повреждение, а искажение в потоке энергии. Источник проблемы всегда светится иначе. Громче или тише.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену. В помещение, почти внося на плечах, ворвались Тайрен и другой, совсем юный на вид дракон. Они бережно, но стремительно уложили на единственную свободную койку своего товарища. Тот не стонал, а хрипел, и его лицо было цвета пепла. На боку, чуть ниже рёбер, зияла ужасающая рана. Её края были не просто чёрными — они были живыми, шевелящимися, и от них струился тонкий, ядовито-зелёный дымок, от которого слезились глаза и першило в горле.

— Лира! Его клинком Пустоты ранили! — выкрикнул Тайрен, и его обычно насмешливое, живое лицо было иска-

жено гримасой ужаса и боли за друга.

Лира уже была рядом. Она провела руками над раной, не касаясь её, и её и без того бледное лицо стало абсолютно прозрачным.

— Пустота... — прошептала она. — Она уже в сердцеви-
не кости. Я могу... лишь немного замедлить. Облегчить аго-
нию. Исцелить это... — она медленно покачала головой. —
Шансов нет. Я не могу.

Её слова повисли в воздухе, леденящие и бесповоротные,
как приговор. В глазах молодого дракона, что пришёл с Тай-
реном, плескался животный ужас. Тайрен сжал кулаки так,
что кости затрещали, беспомощно глядя на угасающего дру-
га.

И тогда я почувствовала это. Тихое, но неумолимое теп-
ло в груди разгоралось в настоящий пожар. Тот самый дар,
что я всю жизнь прятала и глушила, теперь рвался наружу,
видя боль, чувствуя приближающуюся смерть. Он требовал
действия.

Я отставила пропитанный бинт и подошла к койке, отес-
няя окружающих.

— Позвольте мне, — произнесла я тихо, но так, чтобы
меня слышали сквозь общий гул. Голос не дрогнул ни на
йоту.

Лира резко обернулась ко мне, её белые глаза расшири-
лись.

— Госпожа, ваши силы... вам нельзя так безрассудно рас-

трачивать их! Это слишком опасно!

— Я должна попробовать, — сказала я, и в моём голосе прозвучала не просьба о разрешении, а констатация свершившегося факта.

Лира, сражённая этой новой, железной интонацией, замерла на мгновение и молча отступила на шаг, давая мне пространство.

Я закрыла глаза и перестала думать. Остался только мужчина, чья жизнь утекала сквозь пальцы прямо передо мной. Я чувствовала ту самую Силу Жизни — тёплую, золотую, всепобеждающую реку, — и просто открыла ей шлюзы.

Свет хлынул из моих ладоней, окутывая страшную рану. Он не был слепящим или агрессивным — он был мягким, глубоким, солнечным. Он был самой жизнью. Зловещий чёрный налёт затрещал и начал рассеиваться с тихим шипением, словно тьма перед неизбежным рассветом. Плоть под ним стала на глазах затягиваться, мертвенно-серый цвет кожи сменился на здоровый, розовый. Хриплое дыхание раненого выровнялось, глубокий стон облегчения вырвался из его груди.

Я чувствовала, как силы покидают меня, но это была приятная, праведная усталость сапёра, обезвредившего бомбу. Это была не цена, а награда.

— Довольно, — на этот раз голос Лиры звучал не резко, а с безмолвным, почти религиозным благоговением. Она осторожно коснулась моего плеча. — Его жизнь уже вне опасно-

сти. Остальное — уже моя работа. Не истощайте себя полностью.

Я разомкнула ладони, и свет погас. Мир поплыл перед глазами, я качнулась, и Тайрен тут же подхватил меня под локоть, не давая упасть. Его лицо было бледным, а в глазах читался не просто шок, а настоящий, бездонный трепет.

— Алмазная Целительница... — прошептал кто-то из помощников Лиры, и этот шёпот подхватили другие.

Я смотрела на свою работу. Рана всё ещё была красной и воспалённой, но теперь это была просто тяжёлая, но обычная рана. Я сделала это, не инстинктивно, не в порыве страха или ярости, а осознанно, по собственному выбору, по зову сердца.

Ли́ра уже склонилась над драконом, её руки засветились привычным, но не таким мощным светом, доделывая работу. Обессиленная, я отступила к стене и опустилась на грубый деревянный стул в углу. Голова тяжело упала на сложенные на столе руки. Последнее, что я почувствовала, прежде чем провалиться в сон, — это тихое мурлыканье и мягкое трение кошачьей шерсти о ногу.